

The image is a dark, moody poster. At the top, a man's face is shown in profile, looking left. Below him, the name 'Юлия Звягина' is written in a white, handwritten-style font. The title 'ДЕЛО ПРОКУРОРА' is written in a large, white, stylized font across the middle. In the bottom left, a wooden gavel rests on a wooden block. In the bottom right, a woman's face is visible through a black grid, looking directly at the viewer.

Юлия Звягина

ДЕЛО ПРОКУРОРА

Дела прокурора Адамова

Юлия Звягина

Дело прокурора

«Автор»

2022

Звягина Ю.

Дело прокурора / Ю. Звягина — «Автор», 2022 — (Дела прокурора Адамова)

Может ли в человеке, потерявшем всё в этой жизни, остаться хоть что-то человеческое? Нет, не может. А если этот человек прокурор? Все знают, прокурором быть не просто. Профессия требует бескомпромиссности, непредвзятости и жёсткости. Но гораздо проще быть идеальным прокурором, если ты ненавидишь людей. Всех без исключения. Именно таким и является Алексей Адамов. В сущности, неплохой человек: умный, рассудительный, иногда даже вежливый, вот только добрым его назвать не повернется язык. Это тоже издержки профессии? Да, по должности не положено прокурору быть добрым, но есть и другие причины. Когда-то и Алексей Адамов был обычным человеком. Имел семью, любил и был любим. Мечтал о сыне. О чем теперь мечтает прокурор, потеряв всё? Правильно, о возмездии.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юлия Звягина

Дело прокурора

*Где свет и тень на землю лягут, а ночь уйдет, оставив след,
Там скоро к жизни возродится рассвет...*

Пролог

– Пап, а кто такие небожители? Это те, кто в Бога не верит?

Сергей Алексеевич на секунду оторвался от работы.

– Ну и вопросы у тебя, сын, в десять-то лет, – усмехнулся он и снова уставился в часовой механизм. Лешкин папа преподавал историю, а в свободное время чинил часы. – Им не надо верить, они сами боги.

– Как это?

– Ну, слушай... В древнегреческой мифологии небожителями называли всемогущих обитателей небес – богов. Упоминаются они и в других легендах. Это были величественные и грозные, но справедливые существа, врагами которых всегда выступали демоны. Однако нынче это слово имеет и другое значение, переносное, так сказать. Теперь так часто называют элиту, представителей высшего общества.

– Переносное? Это значит в переносном смысле? – с интересом наблюдая за работой отца, уточнил сын.

– Примерно так. Но точно не в прямом. Просто теперь небожителями называют некоторых земных людей, так сказать, великих мира сего. Тех, кто совершил или совершает что-то выдающееся. Но частенько бывает, что ошибаются в них, обманываются.

– Это как?

– Ну, думают, что небожитель, а на деле оказывается обычный человек, совершающий грехи и проступки. А ты почему спрашиваешь, сынок? Хочешь стать небожителем? – с улыбкой глянул Адамов-старший.

– Нет, – замотал головой Лешка, – я милиционером хочу стать... Пап... А милиционер может стать небожителем?

Отец оторвался от своего занятия и, внимательно глянув на сына, свел брови.

– Думаю, вряд ли, но стремиться надо, Алексей. Главное не обманываться и не обманывать...

Спустя шестнадцать лет

Алена стояла у плиты и, одной рукой помешивая борщ, а другой поглаживая живот, ласково бормотала:

– Сейчас, мой хороший, не толкайся, скоро отдохнем. Вот непоседа! – Она ходила пятый месяц, и малыш уже всю шевелился.

– Лидия Михайловна! – громко крикнула она в сторону комнаты, откуда доносился звук телевизора. – Позвоните Леше, пусть приедет пообедать! Готово все!

Она прислушалась в ожидании ответа, но так и не дождавшись, направилась в комнату. Свекровь была хоть и не очень старой, но часто болела, все больше спала, да и слышала плохо. А после смерти мужа, Сергея Алексеевича совсем сдала.

– Уснула, что ли? Лидия Ми... – Едва переступив порог комнаты, Алена осеклась и попятилась.

К виску испуганной пожилой женщины был приставлен пистолет, а державший его мужчина, улыбаясь посмотрел на вошедшую.

– Заходи, милая, не стесняйся.

В ту же секунду раздался выстрел.

Алена вскрикнула, схватила со стола телефон и, придерживая руками живот, со всех ног побежала в кухню, набрала «02», только сказать ничего не успела – в поясницу уперся ствол. Через мгновение раздался еще один выстрел...

– Ты что наделал, Заря?! – В квартиру влетел еще один мужчина и, обежав ее, вернулся в кухню.

– А что такое, Кама? Ты же сам сказал, всех валить, кто помешает.

Тот вырвал пистолет из рук подельника:

– Отдай! Ничего доверить нельзя! Не хватало еще, чтобы по пулям на нас вышли! Чем они тебе помешали?! – кивнул Кама за спину. – Я же сказал, только припугнуть и меня подождать! Идиот, девчонка беременная была, ты же видишь! – Он никак не мог оторвать взгляд от рыжеволосой, совсем еще юной девушки с едва наметившимся животиком.

– Ой, брось, – отмахнулся Заря и, перешагнув через распростертое на полу тело, подошел к окну. Отогнув край занавески, выглянул. – Старуху, значит, тебе не жалко, а жену его пожалел? Ой-ой-ой, какая жалость, капитан прям расплачется. Ничего, другую себе найдет.

– Урод ты моральный, – процедил Кама и, схватив со стола застиранное кухонное полотенце, бережно вытер ствол.

– Да что ты разнылся, как девка! – скривился тот. – Сам же хотел утихомирить ментов. Теперь уж точно от нас отвяжутся. Побоятся нам палки в колеса вставлять.

– А папку нашел?

– Не успел, сейчас, поищу.

– Давай быстрее.

Через пару минут показался довольный Заря и помахал папкой.

– Отлично. Надо сматываться, соседи наверняка уже ментов вызвали. – Кама сплюнул и, убрав ствол за пазуху, вдруг замер.

За окном, совсем рядом раздался звук милицейской сирены.

– Валим! Валим отсюда! Менты едут!

Глава 1

Наше время

– Анна Васильевна, здравствуйте! – Ранним утром в учительскую вошел высокий представительный мужчина и прямоком направился к миловидной, но до ужаса серьезной женщине, сидящей за одним из столов.

Анна подняла голову от тетрадей и недовольно глянула на посетителя, но увидев его, тут же отложила ручку, выпрямила спину и невольно заправила за ухо светлую прядь волос, выпавшую из строгой учительской прически.

Мужчина был солидным и очень приятным, а Анна Загородняя была не замужем, потому присмотрелась повнимательнее. Кроме того, что мужчина был довольно красивым, она непроизвольно отметила и его кричаще респектабельный вид: костюм сидел безупречно, начищенные ботинки просто ослепляли своим блеском, белоснежный воротничок рубашки слепил не меньше. В довершение блестящего образа благородным бриллиантовым сиянием сверкнули запонки в манжетах, когда их владелец будто невзначай поправил и без того идеальный узел галстука.

И костюм приличный, от какого-нибудь Кардена, подумалось ей. Хотя она толком и не знала, шьет ли Карден мужские костюмы? Наверное, шьет. Анна тут же нервно вздохнула, какая разница? Этот мужчина для нее недосыгаем, кроме того, совершенно очевидно давно и безнадежно женат. Иначе зачем бы он к ней пришел?

– Э-э, здравствуйте. Мы знакомы? Вы, наверное, папа одного из моих учеников, – догадалась она и сконфуженно улыбнулась, запоздало устыдившись своего не очень учительского взгляда.

Тот снисходительно усмехнулся, понимая, что внезапно оставил след в душе этой... М-м-м, она напонила ему героиню из одного старого фильма, Мымру, кажется. Да-да, натуральная Мымра: цепкий, изучающий взгляд, бледное, почти без макияжа лицо, гладко зачесанные волосы и выдавший виды учительский костюм. И наверняка жуткая стерва. Ну так это то, что нужно! Собственно, так он ее себе и представлял. Но глаза красивые, отметил он между делом. Голубые, ясные, смотрят хоть и настороженно, но без стеснения и страха.

– Да, Самойлов Андрей Павлович, – подтвердил он и, мило улыбнувшись, остановился осматриваясь, куда бы присесть. – Мне очень нужна ваша помощь.

– Конечно, конечно! – поспешно согласилась та и, указав на стул по другую сторону стола, доброжелательно улыбнулась в ответ. – Присаживайтесь. У меня как раз окно. Помогу, чем смогу. Только я что-то не припомню ученика или ученицы с такой фамилией.

Она огорченно посмотрела на мужчину. Ей очень хотелось помочь. И совсем не потому, что мужчина был необыкновенно хорош, а потому что работала она здесь без году неделя. Дела шли не очень, а зацепиться хотелось.

Школа была не совсем обычной, это была гимназия для одаренных и, что немаловажно, богатых детей. Вернее, детей богатых родителей. И попала сюда Загородняя Анна Васильевна не просто так, а по блату. Совсем недавно. Бывшая сокурсница и подруга Люба Никоненко помогла, спасибо ей! Но с самого начала работа пошла не очень гладко: не все складывалось с учениками, да и с коллегами не задалось, и нарекания от директора уже были, что безусловно напрягало.

Поэтому, когда гость наконец уселся напротив, она улыбнулась еще радушнее:

– Так чем я могу помочь?

– Здесь учится мой сын, Керкис Никита, одиннадцатый «А». Вы преподаете ему английский и французский.

– Да, действительно... – Анна Васильевна нахмурилась и даже слегка отодвинулась вместе со стулом. Подальше от этого человека!

Он внезапно ей разонравился. Любезность и дружелюбие мгновенно слетели с лица. Какая может быть помощь? Ей, конечно, нужна эта работа, но поступиться своими принципами она не была готова. Собственно, из-за этого и не ладилось у нее на новом месте.

– Вы разве не знаете, Андрей Павлович? – Она подняла строгий взгляд на Самойлова. – У нас серьезный конфликт с вашим сыном. Так что... Не уверена, что могу помочь.

– Именно поэтому я к вам и пришел, – несколько не смутился тот и даже заискивающе улыбнулся. – Я недавно узнал о м-м-м... ваших разногласиях и хочу заверить, что полностью на вашей стороне.

Она удивленно приподняла брови. Вот как!

– Ну что ж, выслушать вас я готова, но большего не обещаю.

– Хорошо. Я изложу свое предложение, а вы решите, соглашаться или нет.

– Предложение? – еще больше удивилась та.

– Да. Никита одаренный мальчик...

Она хмыкнула.

– Он не подарок, я знаю...

Она снова усмехнулась.

– Но он мой сын. И я готов сделать все ради его будущего, несмотря на проделки.

– Прделки, – тихо повторила Анна.

– Это подростковое. Я уверен, это пройдет.

Анна Васильевна иронично хмыкнула, у нее было другое мнение на этот счет, но она промолчала.

– Если у вас есть дети, вы меня поймете. – Самойлов слегка подался вперед и заглянул педагогу в глаза.

Та поджала губы и опустила взгляд. Детей у нее пока не было, но она его понимала, и сама сделала бы ради своего ребенка все возможное и невозможное, только вряд ли ее ребенок станет таким негодяем, как Никита Керкис. Она не допустит.

– Ну так и что же вы хотите от меня? Боюсь, перевоспитывать его уже поздно.

– Я хочу, чтобы вы стали его репетитором. По английскому или французскому. Все равно, выбирайте сами.

– Но зачем? Мы, мягко говоря, недолюбливаем друг друга. И он вряд ли сам захочет...

– Это неважно. Только вы сможете, м-м-м... укротить его, что ли, ну или приземлить...

Я уверен в этом.

– Вы уверены, – глухо повторила она, в сотый раз удивленно подняв брови.

– Так что вы скажете? Оплата, сами понимаете, будет достойной. Очень достойной.

Анна закусила губу. Предложение было заманчивым и очень кстати. Ей нужны были деньги. Мама чувствовала себя неважно, отчего пребывала в депрессии и еще больше болела, и дочери очень хотелось отправить ее в какой-нибудь приличный санаторий. А еще ремонт в квартире сделать наконец, ну или диван маме поменять, а лучше гардероб себе и маме. Да мало ли еще потребностей у человека с учительской зарплатой?

А Самойлов продолжал уговаривать:

– Всего пару занятий в неделю. Я готов платить за урок вашу школьную ставку. Сын намеревается по окончании школы поступить в университет на факультет журналистики, и я, как отец, чувствую ответственность... Признаюсь, я виноват. Все время занят. И совершил оплошность, доверив его воспитание матери, своей жене. Но я обязан что-то предпринять, помочь. Ему нужна дисциплина, а вы как никто другой можете повлиять на него. Он неплохой мальчик, он исправится, просто сбился... Вы меня понимаете?

Она кивнула, хотя была в корне не согласна. Его сына исправит только колония, была убеждена Анна. Тут же вспомнился недавний конфликт. Никита «угощал» какими-то таблетками младших школьников, а она, увидев это безобразие, потащила его к директору. Однако тот парня даже не наказал, а вот ей выговорил. Позже Никита подкараулил ее у школы и наговорил такого, что захотелось сразу уволиться. Она еле сдержалась, чуть не врезав ему по наглой физиономии, вовремя подоспела Люба, и рукоприкладства удалось избежать...

– Так что вы скажете, Анна Васильевна? – вырвал ее Самойлов из неприятных воспоминаний.

– Хорошо... – все еще думая о своем, согласилась она. Но тут же поспешно поправила: – Я обещаю подумать над вашим предложением.

Все-таки вот так с ходу соглашаться она не хотела. Мальчик был ей неприятен, и его отец, несмотря на лощеный вид и ухоженную, породистую физиономию, приязни теперь тоже не вызывал. Хотя надо признаться, на других богатых родителей, кичащихся своим состоянием, он не был похож. Говорил складно, вежливо, даже несколько заискивающе. И все же что-то ее смущало. Понять бы, что...

– Анюта, даже не думай! Соглашайся. – Любовь Никоненко, завуч гимназии бегала по учительской и уговаривала подругу. – Ты же знаешь, Самойлов большой человек в городе, он хорошо заплатит. Не каждому так фартит.

– Фартит? Люба, слово-то какое! – поморщилась Анна.

– Ну, какое? И какая разница, если за неделю тебе будут платить две твоих зарплаты. А зарплаты у нас не такие уж и маленькие, не как в обычной школе. Вот и посчитай.

– Это да. Но я не пойму, зачем ему это? И почему именно я?

– А что непонятного? Никита скоро поступает. Отец хочет подготовить парня, плюс дисциплина, которую может дать мальчику только такой железный педагог, как ты.

Анна вскинула на подругу изумленный взгляд:

– Ты серьезно? Железный педагог?

– Да, милая моя, именно так тебя называют за твоей спиной. Даже директор. Ты не знала?

Анна расстроено мотнула головой, неужели она производит такое впечатление?

– А вот Самойлов знает. Потому что дружит с директором, – громким шепотом добавила Люба и хохотнула: – Да ты не переживай, директору это очень даже по душе. Недавно Константин Иванович хвалил тебя.

– Правда? – с надеждой посмотрела Анна.

– Да. Так что, давай-ка, не дрейфь. И потом, – продолжала уговаривать подруга, – это ведь только на два месяца, а там выпуск. Заработаешь бабла и летом можешь куда-нибудь смотаться. На Мальдивы, например.

Анна мечтательно глянула в окно, за которым светило низкое тусклое солнце, беспрепятственно проникающее в кабинет сквозь голые ветви тополей. Весна едва началась, и так хотелось тепла после долгой надоевшей зимы.

– Да, Любаш, ты безусловно права, – оторвала она наконец взгляд от удручающего пейзажа. – Я так устала! Мама постоянно доводит до белого каления. Я держусь, но сколько я смогу выдержать? А так отправила бы ее в санаторий – и она бы здоровье поправила, и я отдохнула. Действительно, улетела куда-нибудь...

– На Мальдивы. Где женихи богатые, – снова подсказала подруга, которая давно мечтала выдать Анну замуж.

– Ну или в Камышовом на даче отдохнула бы месяц-другой. Мне нужна передышка.

– Во-о-т! А я что говорю! Ну, с Камышовкой своей ты, конечно, погорячилась. Что тебе там делать? А на море обязательно съезди. Может, и правда кавалера себе найдешь. Ведь не девочка, тридцать шесть вот-вот стукнет. А этот твой Олег Леонидович...

– А что Олег? – вскинулась Анна.

– В том-то и дело, что ничего. Ни денег, ни Мальдив, ни предложения руки и сердца.

– Он просто занят учебным процессом.

Люба хмыкнула:

– Он у тебя вечно занят! У меня вообще есть сомнения, что он мужик. Вот, Аня, скажи, когда вы в последний раз...

– Все, хватит! – резко перебила та и с осуждением глянула на подругу, но подумав все же сдалась: – Ну хорошо, хорошо. Пожалуй, я соглашусь.

– Вот и чудненько! Так я звоню Самойлову?

Анна нервно вздохнула:

– Ладно, звони.

Глава 2

Городская суэта мешала Алексею думать. До раздражения, до ужаса, до нестерпимой душевной боли. Странное дело, когда он размышлял над другими, посторонними делами, ничто не мешало. Вот именно, посторонними, усмехнулся он про себя. А над своим собственным делом он не мог думать в суете и шуме. Здесь нужна тишина, ничто не должно отвлекать от течения мыслей. И думал-то он над ним уже много лет, но оно все не двигалось. От этого еще больше раздражал шум вокруг.

– Посторонись! – нарочито басисто крикнул крепенький пегий мужичок, продираясь сквозь толпу на заднюю площадку автобуса. За ним семенил парнишка лет пятнадцати, навьюченный какими-то торбами и пакетами. – Сынок, за мной! – словно в атаку позвал отец, зыряка по сторонам – вдруг свободное место отыщется.

Место рядом с Алексеем пустовало. Опять же, странное дело, рядом с ним редко кто садился в общественном транспорте, видимо, нутром чувствовали отрицательную энергию, которая пронизывала Алексея насквозь.

– Твою мать, – одними губами проговорил он, когда мужичок в заскорузлой, нестираной лет сто куртейке, уселся на соседнее место.

Но тот будто услышал.

– А ты, дорогой товарищ, не больно-то хмурься. Кому теперь легко? Вон я токма с электрички, на ярманку еду, уж вторую неделю не могу товар продать, а ничего, не хмурюсь, – мужичок поерзал, усаживаясь поудобнее, видать, нипочем ему была отрицательная энергия соседа.

– И что продаешь? – нехотя поинтересовался Алексей, глянув на гору пакетов и сумок, которые сынок свалил папеньке под ноги.

– Свиристелки, досточки, шкатулочки резные, да прочую лабуду. Сам делаю, да, вон, младшой подмагивает. Подряд, стало быть, этот, как его, семейный, – охотно делился сосед своими профессиональными секретами.

– Ясно, – пробурчал Алексей, ужасаясь исковерканному великому и могучему.

Потеряв к случайному попутчику интерес, он отвернулся и, глядя сквозь вековую пыль автобусного окна, с сожалением подумал, что машину из сервиса заберет лишь через неделю. Надо было все-таки дождаться такси, посетовал он про себя. И сколько ему еще терпеть все это? Он снова покосился на соседа.

А мужик все говорил:

– У нас в Камышовом все этим промышляют, ну не все, допустим, но пятьдесят процентов точно. А остальные пятьдесят рыбу ловят. Это я про мужское население. А вообще-то, у нас тыщ двенадцать населения наберется. Это если с бабами считать, да мелкотой всякой. Старики не в счет, толку от них, верно? Во-о-от, и кстати, имей в виду, если баба нужна, так это к нам, в Камышовку. Они знаешь у нас какие?! Во! – оттопырил он руки перед грудью. – Так что, если надумаешь, приезжай. Отдохнуть, порыбачить опять же. Просто спроси Ивана Скобцева. Меня там каждый знает. А нынче кто-то из богатеев рядом, за леском домики начал строить да продавать, – перескочил разговорчивый попутчик на другую тему, – так наши девки нарасхват у ихних. А и ничего, что строители, верно? Не какие-нибудь гастеры, мать их, а наши парни, те, что для офисов не годятся. Ну и ладно, не всем ведь штаны в кабинетах протирать, верно? Я так считаю, мужик с руками должен быть, вот такими. – Он сжал кулак и сунул Алексею под нос.

Тот на всякий случай подал голову назад, а потом снова отвернулся и больше уже не слушал, думая о своем, вернее, пытаясь думать. От шума и духоты в голове начала потихоньку нарастать боль, но он не обращал внимания, мечтая лишь поскорее доехать.

Так, на чем он остановился? Ах, да, машина. Идиот какой-то въехал два дня назад прямо в заднюю дверцу. Надо было водителя привлечь, наверняка права купил, если на перекрестке со светофором умудрился в ДТП попасть. Адамов скрипнул зубами. Всех бы пересажал! И что теперь делать? Такси вечно в пробках стоит, к обеду только до конторы доберешься. Сколько ему еще ездить вот так, вплотную с народом, чтобы добраться до своего кабинета, где он как раз благополучно протирает штаны. Уже лет семь, как протирает. Но очень он надеялся, что не зря дни и ночи там просиживает, пользу стране приносит, изгоняя из общества сволоту всякую. Кстати, и народу от этого легче живется.

А что? Вполне себе неплохое занятие, и справляется он с ним блестяще. Вот есть успешные адвокаты, те самые, которые умело и без усилий выигрывают дела по защите своих клиентов. А есть другие. О них мало говорят, оды им не слагают и, признаться, недолюбливают в том же народе. Но их работа не менее важная – уличить, обвинить, посадить. Не просто прийти в суд и обвинение выдвинуть, а нарыть, обосновать и доказать, что заслуживает клиент милого преступниколюбивого адвоката самого сурового наказания.

В общем, был Алексей Адамов прокурором. И не каким-нибудь, а очень даже успешным. Умным, бескомпромиссным и беспощадным. Да-да, это важные качества для прокурора. Неправильно, если прокурором будет человек мягкий, уступчивый и ленивый. Кроме того, у Алексея были на то основания. В смысле быть беспощадным и бескомпромиссным...

Вот и до дела дошел. До своего дела. А что? У прокурора тоже может быть свое дело. Ну что ж, есть еще минут двадцать подумать. Он покосился на мужичка, который продолжал разглагольствовать, и погрузился в свои мысли...

Едва Адамов вошел в приемную, со своего места тут же вскочила секретарь-референт Лиля Черногорова. Вытянулась в струнку, одернула пиджачок, словно китель и протянула какие-то документы.

– Алексей Сергеевич, тут вот...

– Лилиан Петровна, давайте не сейчас, – раздраженно оборвал он и тут же немного смягчившись, вежливо пояснил: – Опаздываю я. Давайте с бумагами потом.

– Хорошо, – с готовностью закивала Лилия и попяtilась обратно к своему стулу, шефа она побаивалась. – Кофе сделать?

Адамов отрицательно мотнул головой и скрылся в своем кабинете.

У стеллажа с папками с задумчивым видом стоял его помощник Пашков Ростислав.

– О, ты? Привет, – оглянулся он. – Лёш, а я тут дело Химатовское еще раз хотел посмотреть, но что-то не найду.

Адамов поморщился:

– На подоконнике поищи, я его уже отработал. Все готово. А зачем тебе?

– Да тут Коля из следственного вчера заходил, просил еще пару бумаг приложить к делу, говорит, забыл.

– Что там еще? Что-то существенное? – усаживаясь за стол, недовольно спросил Алексей.

– Да нет, так, ерунда, на исход не повлияет.

– Хорошо, оформи, я потом посмотрю.

Пашков кивнул, отыскал на подоконнике папку и скрылся в смежном кабинете.

А Адамов подошел к шкафу, задумчиво посмотрел на китель, одиноко висящий на вешалке, повесил плащ, потом, хлопнув дверцей, прошел к столу. И к чему эта форма, если надевает ее только в суд? Сел, уперся локтями в стол и, обхватив голову руками, прикрыл глаза. Голова болела, будто выходной он не дома провел, а в кабаке. Это все из-за общественного транспорта. И как люди проделывают это ежедневно?

Но расслабляться было некогда. Левашов уже звонил, просил на совещание не опаздывать, а потом бегом в суд. А Алексей ну совсем сегодня не в форме. Боже, как же плохо без машины!

– Слава! Слава!

В кабинет заглянул Пашков.

– Слушай, у тебя случайно нет анальгина? Или что там теперь пьют от головной боли?

– Нурофен есть. Экспресс. Лиля дала. Но я могу у нее спросить что-нибудь попроще. А анальгин, Леша, чтоб ты знал, нынче не в моде. Сразу видно, что головой нечасто страдаешь. А я вот, регулярно. Бывает, переберу в субботу, а в понедельник... Ну, то есть, тоже нечасто, конечно... Слушай, а ты чего так поздно?

– Да я же без машины. Пришлось на городском автобусе ехать.

– Что? Ха-ха-ха! – рассмеялся Пашков. – На автобусе? Ну ты даешь, прокурор!

– А что такое? – сходу рассердился Адамов.

– Ну где ты видел, чтобы прокуроры на общественном транспорте ездили?

– Такси не дождался, вот и пришлось! – повысил голос Алексей.

– Ну и как? Не заблудился? – веселился помощник. – И как ты свою остановку не пропустил? А билетик не забыл купить?

– Слушай, заткнись уже!

– Ладно, – смилостивился Ростислав. – Но чего же ты мне не позвонил? Я бы заехал.

– Слушай, хватит, Слав, а? Тащи свой нурофен, или как его там, черт подери...

Пашков кивнул, скрылся за дверями, а через мгновение вернулся с таблетками.

Приняв сразу пару штук и запив водой прямо из графина, Адамов наконец достал из портфеля папку и, усевшись за стол, раскрыл ее. Надо еще раз просмотреть дело «Портового взяточника», хоть и знал он его наизусть. Но щепетильность и скрупулёзность во всем были его главными жизненными принципами.

Вдруг ожил селектор и голосом Лили вкрадчиво и заискивающе произнес:

– Алексей Сергеевич, к вам адвокат Березина, говорит, по неотложному делу.

Адамов поерзал и глянул на часы, через час совещание в городской прокуратуре, а он еще не готов.

– А она разве записывалась? – недовольно спросил он.

На пару секунд воцарилось молчание. Переглядываются девчонки, догадался Адамов. Лили с сожалением пожимает плечами, а Березина таращит свои красивые глаза и молит о помощи.

– Нет, н-о-о, Алексей Сергеевич, она уже пришла, – несмело проблеяла секретарша, рискуя нарваться на гнев начальства, что бывало не так уж и редко, но она привыкла, потому еще тише промямлила: – Так, может, вы примете?

Адамов шумно вздохнул, не дадут сегодня поработать!

– Ладно, пусть заходит.

В кабинет тут же вошла высокая стройная женщина в безупречном деловом костюме с кожаной папкой в руках.

– Доброе утро, Алексей Сергеевич, – улыбнулась вошедшая и немного нервно откинула за спину прядь гладких каштановых волос.

– Ну, это вряд ли, – проронил прокурор, даже не взглянув на адвоката.

Прямо у дверей стояла, скрипнул зубами Адамов, вот настырная. Значит, не сомневалась, что примет.

– Дарина, у тебя ровно пять минут, – с неприязнью глянул он, так и не ответив на приветствие. – Говори, что тебе? Опять за Химатова пришла просить?

Березина походкой модели прошла к креслу, стоящему напротив прокурорского стола, без приглашения села и, закинув ногу на ногу, демонстративно выставила напоказ тонкую

изящную ножку в модном ботиночке. Адамов равнодушно скользнул взглядом по «невзначай» открывшейся коленке и опять уставился в документы. Красивыми коленками его не возьмешь.

– Ну послушайте, Алексей Сергеевич, – скроила адвокатесса подобострастную мину, – он действительно не настолько виновен...

– Какая интересная у тебя интерпретация уголовного кодекса! – злобно прервал тот, взглянув из-за монитора. – Немножко виновен, немножко нет, так получается? Это в какой же статье такое написано? И на этом будет строиться твоя защита???

– Ну вы же понимаете, что он защищал друга!

– Угу, и ударил обидчика своего друга ножом. Дважды. А убитый, между прочим, был при исполнении.

– И что? Всего лишь охранник какой-то там фирмы. Премерзкий тип, между прочим, у меня и характеристики на него имеются.

– Прекрасно! И что дальше?

– А то! Химатов защищал друга и защищался сам! Да что я рассказываю, вы и сами знаете обстоятельства дела.

– Знаю. Химатов убил человека.

– Это была самооборона. Если помните, у убитого был пистолет. А таким неуравновешенным людям вообще нельзя...

– Ну, если все так, как ты говоришь, – снова оборвал прокурор, – то суд разберется.

– Суд, может, и разберется, да только вы, Алексей Сергеевич, будете настаивать на максимальном сроке. Я вас знаю! Камня на камне не оставите от моей защиты.

– А что я, по-твоему, должен сделать? Понять и простить?

– Вы... Вы... – не смогла найтись бойкая адвокатесса, боевой настрой резко сошел на нет. Перед прокурором она всегда терялась и немного робела. Конкретно перед этим прокурором. А вчера ведь целый вечер речь репетировала, но в итоге получился детский лепет.

– Я все понимаю, не хочется проигрывать, – усмехнулся прокурор уголком рта, наслаждаясь ее потерянным видом. – Ну так откажись от защиты, Дарина. Вот и все.

Он поднял на нее глаза и замолчал. Она смотрела так, будто он злой старый ворон, клюющий маленькую птичку.

Да, несомненно, хороша, в очередной раз отметил он про себя, а вслух произнес:

– Дарина Евгеньевна, если у вас все, я хотел бы поработать.

Она прищурилась, прошептала какое-то ругательство и не попрощавшись вышла за дверь.

Адамов фыркнул и уставился в папку. Ох и надоела ему эта Березина! Мешает, прет со своей защитой напролом. И всех защищает. Просто без разбора! Но его боится, и очень не любит встречаться с ним в суде. Хотя надо признать и он побаивается ее немного, умеет она выстроить защиту так, что всегда выигрывает. Почти всегда. За исключением процессов, где обвинителем выступает Адамов.

Но он здорово опасался, что однажды эта чертова адвокатесса выиграет какое-нибудь ничтожное дело и разрушит его безупречную репутацию. Хотя это не репутация, а скорее уже легенда. Он – легенда. За семь лет в прокурорском кресле ни одного дела у него не выиграл ни один адвокат. И этот суд он выиграет, и никаких уступок. Так что пусть красавица-адвокатесса катится подбру-поздорову!

Глава 3

Ну что ж, кажется, получается. И как будто язык общий нашла с учеником. Анна не спеша шла по живописному элитному поселку к дому Самойлова. Никита не подарок, и ничто его уже не изменит, но вероятно отец провел с ним воспитательную работу, и уроки проходили довольно спокойно. Холодок между учителем и учеником проскальзывал, но на личности не переходили и на посторонние темы не разговаривали. Стороны лишь выполняли свои обязательства: один учил, другой учился.

Анна даже улыбнулась, учить было легко, склонность к языкам у ученика все-таки присутствовала, как не хотелось ей это признавать, парень действительно был одаренным. М-да, ну и журналист из него получится, тут же с осуждением подумала она. Принципов ноль, наглый, и характер далеко не покладистый. А может, именно такие качества должен иметь журналист, чтобы стать успешным?

Ну и ладно, она просто зарабатывает деньги. Лишь немного коробил один аспект: она как будто продала свои принципы. Но, к сожалению, это правда жизни. Есть хочется всем, и не только есть. Ничего, она потерпит, и вовсе она не железная, как про нее говорят. В конце концов, это ее работа, и, если люди ей неприятны, это не делает их преступниками. К счастью, все это ненадолго.

Она подошла к калитке, открытой настежь, прошла по дорожке и поднялась по ступенькам. Обычно ее встречала горничная, однако на этот раз никого не было, но дверь была открыта, значит, ее ждут, поняла Анна, просто все заняты.

– Светлана, это Анна, можно войти?! – крикнула она в приоткрытую щель и на всякий случай стукнула пару раз резным дверным кольцом, заменяющим звонок. Никто не отозвался, только где-то неподалеку как будто громко хлопнули дверью.

Да, наверное, занята, решила Анна и перешагнув порог, прошла в учебную комнату, находящуюся на первом этаже.

Никита уже ждал ее. Он стоял спиной к дверям, склонив голову над столом, но, вероятно услышав, что кто-то вошел, обернулся. Увидев его лицо, Анна вскрикнула. Он был бледным и как будто напуганным.

– Никита, с вами все в порядке? – спросила она и кинулась к нему.

– Помогите... – Он смотрел блуждающим взглядом куда-то мимо нее.

Подойдя ближе, она в ужасе отпрянула: в одной руке мальчишка сжимал кинжал, а другую прижимал к груди. Под пальцами расплывалось огромное багровое пятно.

– Боже мой! Никита, что ты наделал?!

– Там, там... В рюкзаке... Телефон... – прохрипел тот и, показав куда-то позади себя, начал заваливаться прямо на Анну.

Она невольно выхватила из руки кинжал и обняла мальчишку, пытаясь удержать, но не смогла и вместе с ним рухнула на пол...

Это утро не было добрым, как, впрочем, и все предыдущие: все пятнадцать помноженные на триста шестьдесят пять. А перспектива снова трястись в автобусе делала это утро еще более мрачным. Надо было соглашаться на предложение Ростислава. Ведь предлагал заехать за ним. Но Адамов не хотел напрягать друга, тому пришлось бы встать пораньше и ехать на другой конец города. Да нет, не жалел он старого товарища, просто не хотел быть должным. Никому. Даже другу.

Алексей первым делом пошел в кухню, включил чайник, затем вернулся в комнату, задернул шторы, и нажал кнопку на новом огромном телевизоре, висящем на стене. Пожалуй, это была единственная роскошь в его аскетичном жилище. Коллеги в прошлом году на сорокале-

тие подарили. И зачем? Его вполне устраивал старый допотопный «Шарп». Плохо показывал, чинил его не раз, но это был тот самый телевизор, в экран которого когда-то смотрела мама. Он и теперь не выбросил его, поставил в маленькой комнате и прикрыл ажурной салфеткой, которая уже пожелтела от времени и порвалась местами, ну и что? Ее вязала мама.

С большого плоского экрана прозвучал знакомый сигнал, вернувший Алексея в реальность. Начались новости.

Новости он ненавидел. И не потому, что там ежедневно показывали лесные пожары, нечищенные от снега улицы или взрывы бытового газа, и даже не потому, что политические новости с каждым днем становились все напряженнее, а всего лишь по той простой причине, что практически каждый день местное телевидение восхваляло одного человека. Уважаемого. Добропорядочного. Справедливого. И, конечно, искренне заботящегося о народе. Только что небожителем не называли, но это дело времени.

Нет, Алексей не винил телевидение, репортеров, журналистов, они же не знали, кого восхваляют. А он знал. Они ежедневно превозносили и воспевали самого ничтожного человека на свете – его врага, Самойлова Андрея Павловича.

Адамов смотрел сквозь экран, крепко сжимая в руках старый бокал с отбитым краешком и потускневшим, а некогда золотистым ободком внутри. Это Алена подарила ему на двадцать третье февраля. Ровно пятнадцать лет назад.

Именно столько лет он вынашивает одну мысль: найти, растоптать и уничтожить. Пока исполнил только первую часть – нашел. А вот растоптать и уничтожить этого мерзавца, к сожалению, до сих пор не удалось. Так, по мелочи: здесь завод закрыли, там финансового директора посадили. Да, все это Адамов. Но это так ничтожно мало для негодяя, который пятнадцать лет назад отобрал у Алексея все – мать, жену, неродившегося ребенка. Семью. Счастье. Будущее.

«... Вчера, четырнадцатого апреля, – тем временем вещал диктор с экрана, – в семье известного дизайнера Натальи Керкис произошла ужасная трагедия. Ее семнадцатилетнего сына застрелила Загородняя Анна, которая являлась репетитором мальчика. Виновная была задержана на месте преступления. Что толкнуло женщину на столь жестокий поступок? Обстоятельства выясняются. Идет следствие. Отец мальчика...»

Адамов передернул плечами и, не желая слушать дальше, нажал кнопку на пульте. Экран погас, но раздражение от услышанного не проходило. Женщина убила подростка. Неужели у нее были на то серьезные основания? Вряд ли. Ни у кого нет веских оснований убить другого.

Вот он. Он ведь давно мог шлепнуть своего врага. Еще пять лет назад, когда наконец нашел. Мог, конечно. Хлопнуть из пушки и дело с концом. Ну или переехать автомобилем. Или разыграть суицид. И сделал бы это так, что ни один пинкертон не распутал дело. Но нет, Алексей не мог этого допустить. В смысле, убить так просто не мог. Правда, не убил до сих пор вовсе не потому, что был таким человеческим и гуманным. Уж точно не поэтому! Просто всеми уважаемый народный благодетель Андрей Павлович Самойлов должен жить долго и в таких же муках и терзаниях, в которых уже пятнадцать лет живет Алексей Адамов.

Он сжал кулаки, пытаясь прогнать воспоминания, но они так и лезли, так и проникали в каждую клеточку мозга. Самым наглым образом...

– Алена! Аленка, ты дома? Мама!

Алексей наспех скинул ботинки, по обыкновению раскидав их в разные стороны, хотя мать, а теперь еще и жена, все время ругали его за это. Что поделать, привычка, все время куда-то торопится. Он потянул носом: пахло пирогами и свежесваренным борщом. Заулыбался, предвкушая вкусный обед.

Адамов вдруг выпрямился и прислушался. Из комнаты раздавался звук телевизора, большие ничего.

– Алена! Почему такая тишина, и никто не встречает? С мамой что-то?

Он быстро прошел в комнату и замер на пороге.

Мать сидела в своем любимом стареньком кресле перед тем самым телевизором, плед с колен свалился, рука свесилась.

– Мам! Мама, тебе плохо?

Он подбежал к ней, заглянул в лицо и отпрянул.

Глаза смотрели куда-то вдаль, а по виску стекала струйка крови прямо по седой пряди волос, медленно и неизбежно окрашивая ее в бордовый цвет.

– Алена-а-а!!!

Алексей бросился в маленькую комнату, затем в кухню, на ходу доставая телефон. Вдруг споткнулся обо что-то и непроизвольно сделал несколько шагов назад.

Она лежала на полу, прямо посреди кухни...

– Нет, нет, нет!!!

Алексей кинулся на колени и схватил ее тоненькое запястье в надежде услышать жизнь. Две жизни... Совсем недавно, еще утром его милая Аленка была не просто женой, не просто его жизнью, она была двумя жизнями сразу.

Он смотрел на ее тонкую руку, на голубые венки, просвечивающие сквозь нежную кожу, на длинные, изящные, еще теплые пальчики, и боялся смотреть ей в лицо. И в глаза. Особенно в глаза! Такие любимые, зеленые, но теперь неживые. Все также не глядя, он провел рукой по ее векам и, не сдерживая рыданий, прижался губами к запястью. Ей было всего двадцать два...

Адамов снова мотнул головой, пытаясь вытряхнуть ядовитые мысли-змеи, без дозволения проникающие в мозг, выдавить их из памяти навсегда! Но вот уже пятнадцать лет изо дня в день эта тонкая безжизненная рука с венками всплывала в памяти, не давая забыться ни на секунду. Огонь в душе разгорался все сильнее, а сердце все больше леденело.

Убийцу не нашли. По извлеченным пулям удалось выяснить, что стреляли из старого раритетного пистолета. Следы привели к владельцу – пожилому интеллигентному антиквару, который сообщил, что давно продал оружие кому-то в частную коллекцию, в доказательство он даже нашел запись в журнале. Данные покупателя оказались фальшивыми.

Но Алексей и без того догадывался, кто убийца. В то время они как раз разрабатывали одну банду, дислоцировавшуюся в небольшом городке под Питером. По слухам верховодил там местный воротила Андрей Самойлов. Умный, хитрый и изворотливый. Капитан Адамов вел дело о нескольких убийствах и ограблениях, собрал улики и почти достал этого гада. А накануне как раз взял папку с делом домой, там были показания свидетелей и даже случайно сделанные снимки нескольких лиц, на одном из которых засветился Самойлов. Но в тот день папка исчезла.

В итоге улик оказалось недостаточно, потом нашлись случайные свидетели, давшие показания в защиту подозреваемых. В общем, привлечь убийцу к ответу не удалось, ускользнул он от правосудия, а вскоре бесследно исчез. Было понятно, что в отделе предатель, но и его вычислить не получилось.

Вскоре подразделение расформировали, и он уехал учиться в город, а еще через несколько лет милиция стала полицией, многие старые дела были утеряны, случайно или нарочно, теперь уже не разобрать. Но сути это не меняло – преступники остались преступниками. После всего случившегося Алексей решил посвятить свою жизнь борьбе с преступностью и поиску своего врага.

Адамов еще раз тряхнул головой, прогоняя воспоминания, встал, вышел в прихожую, скинул тапки, надел ботинки, плащ и, открыв дверь, шагнул за порог. Вернулся, поставил аккуратно тапки, взял забытый портфель и снова вышел.

Ступая по тротуару размашистым шагом, он с силой сжимал ручку портфеля и думал, думал, думал. Самойлов должен ответить! Он должен получить по заслугам! Нет, Алексей не

хотел отомстить, он просто мечтал лишить счастья человека, который когда-то отнял у него все. Это не месть, это простая человеческая мечта, много раз убеждал себя Адамов. Мечь по его мнению – нечто мелкое, пакостное и глупое, а вот мечта – это возвышенно, где-то даже поэтично.

Глава 4

День побежал, покатился по кругу, стремясь за стрелками циферблата, а прокурор занялся повседневными делами, при этом ни на минуту не выпуская из мыслей свое дело. Разбирая принесенную Лилей корреспонденцию, раскладывая ее по папкам, проглядывая справки, экспертизы, протоколы Адамов вспоминал, как пять лет назад впервые увидел своего врага. Практически, столкнулся лицом к лицу.

Он не помнил и не знал его молодым, видел когда-то на нечетких, размытых фотографиях в том самом уголовном деле, но вот так – глаза в глаза, встретился впервые. И при встрече узнал сразу. А когда прозвучало имя новоявленного успешного бизнесмена и народного благодетеля Андрея Самойлова, сомнений не осталось – нашел!

Адамов снова вернулся мыслями на пять лет назад. Он недавно получил должность прокурора и периодически появлялся в административных коридорах по долгу службы или так, по случаю. В тот раз он приехал на прием в мэрию в честь какого-то праздника и вдруг увидел его. Алексей еле сдерживал себя, с ненавистью глядя на своего врага и его семью: на миловидную женщину, вероятно, жену, обнимавшую не менее симпатичную девушку, наверное, дочь. Сам Самойлов держал за руку мальчишку лет двенадцати, очевидно своего сына, и счастливо улыбался. И надо признать выглядел он безукоризненно: высокий, подтянутый, в идеально сидящем костюме и с какой-то необычайно спокойной улыбкой на благородном лице. Его враг был счастлив...

Ну что ж, первая часть задуманного была исполнена. Нашел! Наконец нашел, радовался Адамов. Все это хорошо, все замечательно, но что делать дальше, как половчее подступиться к делу, совершенно не знал. Посвящать в это дело Алексей никого не хотел, а потому приходилось окольными путями узнавать, вычислять и собирать все по крупицам.

И вот теперь, спустя пять лет он знает про него почти все. Семья у него большая и действительно счастливая. Жена-красавица, дочь уже взрослая, замужем, и сын школьник. Да, еще внучка, которую Самойлов любит без памяти. На этом все, семьей Адамов не особо интересовался, поскольку наблюдать благополучную семейную жизнь врага он был не в силах. Зато Алексей все знал о его обширном бизнесе: о строительстве различных объектов, об автомобильных салонах, о поставках из-за рубежа оборудования для компьютерной авто-диагностики и тому подобного, и о благотворительных делах (ясное дело, для отвода глаз!), и даже о пяти полулегальных автомастерских в городе, мелочь, но и это было важно. Адамов скрипнул зубами, все есть у его врага: бизнес, финансовое благополучие, семья, любовь и забота близких.

И казалось, уже все о нем знал, но все же не хватало ему информации, не той, что ежедневно подавали средства массовой информации на завтрак, обед и ужин, а самой что ни на есть подноготной, скрытой, не видной никому. Вот там-то наверняка было много чего такого, за что можно бы зацепиться. Не верил Алексей, что Самойлов стал жить по-честному, вдруг стал благородным. Так не бывает, такие люди не меняются. Но как проникнуть в эти тайные двери? Вот над этим Адамов и ломал голову все это время.

Была у него одна мысль, как решить проблему, вынашивал он ее уже давненько и все ждал подходящего случая, удачного стечения обстоятельств. И вот наконец что-то стало наклеиваться.

– Алексей Сергеевич, Алексей Сергеевич! – громким шепотом позвала Лиля, просунув голову в дверь.

– А? Что? – очнулся Адамов и с раздражением глянул на секретаря. — Лилиан Петровна, что вы там шепчете? Говорите четко и по существу.

– Тут Левашов к вам! Лично! Ростислав Маркович с ним там, – нескладно сказала она и махнула рукой себе за спину.

– И что?

– Да так, предупредить вас хотела, – смутилась секретарша.

Адамов свел брови:

– Лиля, что за детский сад?! Зовите его.

Через минуту в кабинет суетливой походкой вошел прокурор города, Левашов Роман Федорович. Он кивнул, глянул сердито из-под густых бровей и помахал папкой.

– Здравствуй, Алексей. Вот, самолично приехал. Решить срочно! Совсем народ с ума сошел!

– Здравствуйте, Роман Федорович, присаживайтесь. Что случилось на этот раз? Пожар? – Адамов недовольно уставился на начальство, вот именно сейчас, когда ему надо на время исчезнуть, обязательно появляется что-то сверхсрочное.

– Народ слетел с катушек! Интеллигентная, умная женщина, педагог! — Левашов воздел палец вверх. – Безжалостно застрелила подростка! Представляешь?!

Адамов сдержанно кивнул. Станный у него начальник, столько лет сидит в кресле Главного и все время ужасается. Зачем так близко к сердцу принимать, Алексею было не понятно. Сам он давно очерствел, это да, но ведь столько дел проходит через их руки. Маньяки, убийцы, насильники. Сколько их было? Что ж так убиваться?

– Да, я слышал, Роман Федорович. Сегодня в новостях. А что, следствие уже закончено?

– Следствие еще идет, но там все ясно, и нас попросили поторопиться, – Левашов многозначительно поднял глаза к потолку, – чтобы, так сказать, побыстрее передать в суд, ты же понимаешь, дело громкое, общественность волнуется и все такое. Займись, возьми на контроль, лады?

– А почему нам? В нашем районе случилось?

– Нет, в области, в коттеджном поселке «Серебряные ручьи», но передали в городскую прокуратуру, – вздохнул он. – Ты же знаешь, самые важные и спешные дела всегда нам, то есть вам, потому как вы лучшие.

Адамов только хмыкнул в ответ на неумелую лесть, иногда плохо быть успешным.

– Хорошо, я поручу Пашкову. Раз дело ясное, мое участие необязательно.

– Ну-ну, Алексей Сергеевич, зачем Пашкову? Займись сам.

Адамов вскинулся:

– Но вы же отпустили меня. Мне в Малую Вишеру нужно ненадолго, на пару дней. Я говорил вам. Там меня ждут. Я обещал! – настойчиво сказал он и упрямо сжал губы.

– Ладно, ладно. Помню я. Но как только вернешься, сразу за дело.

– Да вы же сами сказали, что дело ясное, так что не переживайте, Ростислав Маркович справится.

– Ну, лады, лады, – повторил Левашов и успокоившись встал. – Ты только на самотек не пускай, контролируй его, чтобы каждую бумажку проверил.

Раздражение нарастало, Адамов расстегнул пару пуговиц, ослабив воротник, и уставился на Левашова.

– Он не нуждается в контроле, поверьте, – немного резковато ответил он. – Но раз вы хотите, хорошо, скажу, чтобы держал меня в курсе.

Левашов наконец ушел, а Адамов еще некоторое время сидел, стараясь усмирить гнев. Наконец справился. Уже спокойно открыл папку, пролистал.

«Загородняя Анна Васильевна, 35 лет... Гимназия №2... Французский, английский... Конфликт с убитым...». Вот некстати все это. Ой, как некстати!

– Чертова репетиторша! – сквозь зубы процедил Алексей и в сердцах захлопнул папку. – Вздумалось ей стрелять именно сейчас! Слава! Слава! – гаркнул он изо всех сил, пытаясь выплеснуть накопившуюся злость.

Тот мгновенно появился на пороге.

– Что, Федорыч достал-таки? – Друг на то и друг, чтобы чувствовать настроение товарища.

– Слава, займись. – Алексей без объяснений швырнул на другой конец стола папку. – Я просмотрел, там все ясно: конфликт ученика и учителя. Дамочка не сдержалась и выразила свое мнение. Жестоко, но люди нынче такие.

– Слышал, – закивал Пашков, сграбастав папку и засовывая в нее выпавшие листки, – Загородняя эта, говорят, конфликтовала не только с учениками и родителями, но и с коллегами, даже с директором гимназии.

– Ты в курсе? Ну и прекрасно! – выдохнул Адамов. – Дело поручаю тебе. Вникай в производство, собирай материал и готовься к суду. Дело громкое, думаю, исход ясен. Сам отработашь, хорошо? А я уеду на пару дней.

– Куда? – с любопытством подростка спросил Пашков.

Он был в курсе всех дел своего начальника и друга, потому что знал его много лет. Вместе когда-то школу милиции окончили, вместе работали. А потом Адамов перетащил его в прокуратуру и сделал своим помощником. Знал он и о трагедии, случившейся много лет назад, и о том, что друга до сих пор не отпустило.

Но Адамов не спешил делиться планами.

– Да так, кое-что проверить надо. Факты по одному делу.

– Какому делу? – настойчиво переспросил Ростислав, интуитивно чуя некую подоплеку. – С Надюхой, небось, на юга собрался? – пошутил он, стараясь отвлечь товарища.

– Что?! – поднял голову Алексей. – Совсем уже? Не хватало еще.

– Ну а что? Сколько ты еще голову ей кружить будешь? Да и жениться тебе пора. Вон, виски уже седые.

Адамов машинально пригладил черные с проседью волосы и отвел взгляд.

А Пашков все не унимался:

– Уже вся канцелярия за нее переживает. Влюблена ведь. Да и тебе бы...

– Замолчи, прошу! – огрызнулся Адамов, с треском поставив на стол портфель. – Я ей ничего не обещал и не держу.

– Ладно, ладно, не кипятись, – снизил градус Пашков, зная взрывной характер друга. – Я все понимаю, просто тело. Для здоровья, для разрядки...

Адамов глянул зверем:

– Ростислав Маркович, идите работайте! У вас важное дело!

– Да понял я, понял! Так все-таки, куда поедешь? – сделал еще одну попытку Ростислав.

Но Адамов не повелся.

– Говорю же, по делу.

– По какому?

– Новому. Левашов недавно подкинул. В общем, Слава, не забивай голову, – снова начал злиться Алексей, – займись этой, как ее...

– Загородней.

– Именно.

– Ну, срок нешуточный ей грозит, не меньше десятки.

– Десятка, так десятка, – нервно дернул плечом Алексей.

Пашков присел на край стола и внимательно посмотрел на начальника.

– Говорят, сынок-то был шишкаря какого-то.

– Да и черт с ними со всеми!

– И то верно, – не стал спорить помощник.

Алексей встал, нервно сложил в портфель несколько папок, телефон, туда же швырнул ручку, с чувством щелкнул замком и не попрощавшись пошел к выходу.

– Звони только в случае форс мажора! – не оглядываясь кинул он и вышел, громко хлопнув дверью.

– Да, Лёха совсем того, – прищелкнул языком Пашков. – Бабу ему надо нормальную. Срочно! А то, что с делом не ознакомился, и то, что уезжает, может, оно и к лучшему? Без него спокойнее будет.

Помощник прокурора раскрыл папку, нашел справку об убитом, пробежал глазами по строчкам: *«Отец: Самойлов А.П., мать: Керкис Н.В.»*, захлопнул папку, потоптался еще немного и, тяжело вздохнув, пошел к себе.

Глава 5

Следующим утром, забрав машину из сервиса и заправив полный бак, Алексей отправился в небольшой городок под Новгородом – Малую Вишеру. Там его уже ждал Дмитрий Коновалов, старый приятель с институтских времен.

Дмитрий был здоровенным мужиком сорока лет с наметившейся лысиной, широкой улыбкой и добрыми глазами. Вот уж неподходящая внешность для начальника следственного отдела, в который раз отметил Адамов, но главное он знал, что товарищ его такой же принципиальный и дотошный, в трудную минуту всегда готовый прийти на помощь, даже если это будет несколько расходиться с принципами, потому что главное в дружбе – доверие. Раз Адамов просит, значит, дело действительно важное, и надо помочь.

– Ну что, забираешь Зарецкого?

– Да, забираю. Спасибо, что сообщил.

– Как просил, – коротко отреагировал Дмитрий.

Оба глянули в глаза друг другу, лишних вопросов не принято было задавать, но Коновалов понимал, не просто Адамов дело забирает, нужен ему этот парень.

– Парнишка неплохой, по дурости залез куда не следует. Деньги очень нужны. Зарабатывает крохи, живет с женой на съемной квартире, а тут у отца инфаркт, без операции не протянет. Вот сынок и подсутился.

– Ясно, – кивнул Адамов.

– Вина парня не доказана, но виновен на сто процентов, дело закрываю за недостаточностью улик и передаю по запросу в вашу прокуратуру для проверки.

– Все верно. Спасибо, – еще раз сдержанно поблагодарил Алексей и встал. – Можно я с парнем побеседую здесь, у вас? А потом отправишь его ко мне.

– Конечно, поезжай пока в гостиницу, отдыхай, а завтра, как только его из СИЗО доставят, сразу позвоню.

Адамов кивнул и, пожав крепкую руку, вышел.

Приехав в гостиницу, Адамов уселся поудобнее в кресло и, раскрыв папку, достал несколько листков. Хотя, то, что там было написано, он уже знал почти наизусть. Коновалов по его просьбе прислал еще месяц назад.

«Кирилл Егорович Зарецкий, 1995 года рождения... Работает в транспортно-логистической компании... Женат с 2018 года, жена – Алена Романовна Зарецкая, детей нет. Мать умерла в 2010... Отец – Зарецкий Егор Савельевич, нуждается в срочной операции на сердце...»

Алексей на мгновение отвлекся. Алена, Алена... Увидев тогда, месяц назад в деле это имя, он тут же понял – знак. И оказался прав. Кирилл Зарецкий был тем, кого так не хватало Алексею, и кого он так долго искал. Зарецкий был хакером, и в данный момент ему грозил срок.

Адамов вернулся к делу.

«Подозревается во взломе банковского счета и попытке хищения в особо крупных размерах... Вину не признает... Сотрудничать со следствием отказывается...»

Ну что, кажется, все складывается, как он хотел. Давно Алексей мечтал завербовать хакера. Без информации дело двигалось плохо, а сам он был не очень силен в новых технологиях. Потому пришлось пойти на сделку с совестью, и хоть не его это методы, нужда заставляет. Но вот наконец повезло – нашел подходящий экземпляр.

Адамов еще раз взял в руки анкету и присмотрелся к маленькой фотографии в углу листка, с которой на него смотрел молодой парень с открытым, нагловатым взглядом. Прямой нос и массивный подбородок говорили об упрямом характере, лишь светлые вьющиеся волосы

слегка смягчали образ. По-хорошему следовало бы засадить парня лет этак на пять-шесть, прищурился Адамов. Но разок можно и доброе дело сделать.

Алексей открыл личное дело Зарецкого и углубился в изучение характеристик, справок, отзывов, вплоть до медицинских показаний, начиная с младенческого возраста. Хорошо Коновалов поработал, мысленно похвалил старого друга прокурор и погрузился в работу.

Адамов пристально смотрел на парнишку, на вид тому было не больше семнадцати, хотя по паспорту уже двадцать шесть. Растерян, напуган, расстроен. И это отлично!

– Звать как?

– Кира. То есть Кирилл. Зарецкий, – нехотя отозвался парень, с неприязнью глядя на сурового дядьку.

– Значит, так, Кира. Дело твое передают в прокуратуру. Статья серьезная... Номер статьи знаешь?

Парень глянул исподлобья:

– Да, двести семьдесят вторая.

– Ну, это самое малое. Ты же не просто какого-то дяденьку нахлобучил, а целую компанию, имеющую пятьдесят процентов государственных акций, между прочим. Так что, еще сто пятьдесят восьмая тебе светит, а в добавок можно подтянуть и...

– Вы меня пытаетесь запугать, или мне кажется? – с вызовом бросил хакер.

Адамов даже приподнял брови. Умный. Смелый. Дерзкий. Тоже неплохо.

– Зачем мне тебя пугать? – Посмотрел внимательно в ожидании ответа.

Тот пожал плечами:

– Не знаю. Наверное, признания хотите. Сейчас заведете ту же песню, что здесь мне уже месяц поют.

– И что поют? – поинтересовался прокурор.

– Признаюсь – явку с повинной пообещаете, срок скостите, ну и бла-бла-бла. Не получится! Не виновен я!

Адамов вздохнул, что-то разговор не клеится, напугать парня не удастся, значит, придется по-другому.

– Значит так. Я отмазываю тебя от срока, устраиваю на работу в органы: в АйТи-безопасность или в секретку, – приоткрыл карты Алексей. – Зарплату обещаю хорошую. Как тебе такое предложение?

Зарецкий недоверчиво посмотрел на прокурора, потом с пониманием кивнул, хмыкнул скривившись и отвернулся к окну.

– Не буду ни на кого стучать.

Адамов рассмеялся.

– Не надо стучать. Речь не об этом... – Прокурор выдержал приличную паузу и выдал последний козырь: – Отцу квоту на операцию без очереди пробью.

Подследственный повернулся и с тревогой посмотрел на прокурора:

– Я вам нужен.

Адамов набычился. Слишком умный!

Тут же некстати вспомнился отец, и Алексей в который раз понял, что тот был абсолютно прав: никогда ему не стать небожителем. Лукавит, обманывает, угрожает, даже улики готов подтасовать. И все в своих интересах. Но это только в данном случае, потому что важно, потому что дело всей жизни! А на работе – ни-ни.

– Так что скажешь? – Адамов сменил тон, и устало потер лоб, все-таки изменять своим принципам – это тяжкий труд. – Ты понимаешь, что тебе корячится минимум десятка? А то и двенадцать можно накрутить, – по-простому сказал он.

– Да за что?! – вскинулся Зарецкий.

Адамов шумно вздохнул и нахмурился. Уговаривать он его не собирался.

– Ладно, как знаешь. Я мог бы помочь, но раз ты считаешь, что чист, как ангел, то... встретимся в суде. – Прокурор встал и быстрым шагом направился к двери.

– Пойдите...

Адамов повернулся и угрюмо посмотрел на парня.

Тот поднял глаза:

– Вы правда отцу можете?

Алексей коротко кивнул.

– Что надо делать?

Последующие пару дней заняли бюрократические дела: запросы, ответы, протоколы, справки, Адамов сам все контролировал и проверял, чтобы в случае чего, никто не подкопался. Наконец все было готово, и Алексей засобирался.

– Еще раз спасибо тебе, Дмитрий. Теперь я твой должник.

Адамов сказал это с тяжким вздохом и с таким угрюмым выражением лица, что Коновалов рассмеялся.

– Брось, Лёха. Ничего ты мне не должен. Это я обязан тебе по жизни, если бы не ты, я до сих пор где-нибудь в Крестах прозябал.

Адамов кивнул, было дело, навешали собак на Димку, и прокурор все бросил, примчался да раскрутил этот клубок. Ох, сколько тогда голов полетело! Весь Великий Новгород узнал, кто такой прокурор Адамов.

– Ладно тебе, что вспоминать?

Дмитрий улыбнулся и крепко пожал руку.

– Счастливо. Если что, обращайся. Всегда рад помочь.

Уже на выходе из управления у Адамова зазвонил телефон.

– Слава, я же просил! – недовольно гаркнул он в трубку. – Только в случае форс мажора!

– Он самый и есть, – грустно сообщил помощник.

– Что-то случилось? – равнодушно поинтересовался Адамов, чужие проблемы его не особо трогали.

– Сестра из Волгограда позвонила, просит срочно приехать. У матери дом сгорел.

– Мать в порядке? – обеспокоенно спросил Алексей.

– Да, слава Богу. Но надо помочь.

– Ладно, поезжай, – сдался прокурор. – Я уже возвращаюсь. Завтра буду в конторе.

Дом сгорел – разве это беда? Главное, что все живы.

– Спасибо, Лёха! Дело «Репетитора» отработал, у тебя на столе оставляю.

Глава 6

Едва Адамов вошел в свой кабинет, следом тут же примчался Левашов.

– Алексей Сергеевич, ну что ж ты так долго? Обещал за два дня управиться, а сам, – с упреком посмотрел он, усаживаясь в кресло. – Послезавтра суд по делу репетиторши, все готово.

– Как послезавтра?! – опешил Адамов. – Я с делом даже не ознакомился!

– А что там знакомиться? Пашков отлично справился в связке со следственным отделом. Там ведь все ясно. И хорошо, что ты будешь обвинителем, а не Пашков, уж она не отвертится! – погрозил в окно Левашов. – Дело не на шутку разгорелось, сверху долбят с утра до вечера. – Роман Федорович выразительно постучал себе по темечку.

– Ладно, понял, – поморщился Адамов. – Послезавтра буду в суде.

Как только дверь за Левашовым закрылась, Алексей схватил телефон и набрал номер:

– Николай? Привет. Адамов. Слушай, у тебя нет там вакантного места в отделе у Никитина? Нужно одного толкового парня пристроить.

– Толковые парни нам всегда нужны. Надежный?

– Вполне. За хакерство чуть не сел, но я с ним поработал, жаль если такой мозг пропадет.

– Присылай, – коротко ответил тот. – Если что, перевоспитаем, ты знаешь, у нас быстро поумнеет.

– Думаю, умнее уже некуда, – хмыкнул Адамов и довольный отключился.

Просидев до полуночи над делом «Новгородского хакера», оформляя необходимые бумаги для завершения дела, а на следующий день разъезжая и бегая по инстанциям, собирая необходимые свидетельские показания для доказательства невиновности нового подопечного, Адамов так и не заглянул в дело «Репетитора», а на следующее утро, ругая себя последними словами, помчался в суд.

Впервые он ехал в суд неподготовленным. Мысли все крутились вокруг Зарецкого, которого он самолично вчера встретил и, препроводив к себе в кабинет, изложил условия.

– Жить пока будешь в общежитии. Сегодня же сходишь в канцелярию к Надежде Шаховой, это на первом этаже. Скажешь, от меня. Она заведует общежитием, все подскажет. Потом служебную квартиру дадут, жену перевезешь.

Кирилл вопросительно глянул, но промолчал. Ясное дело, все про него дядька знает.

– Отца твоего завтра перевезут в Питер, в Военно-медицинскую академию. На следующей неделе сделают операцию.

– Правда? – глазами собаки, забранной из приюта, посмотрел парень.

– Завтра приступаешь к службе, – сурово продолжал Алексей. – Адрес вот. Как положено, придешь сначала в отдел кадров, пройдешь тестирование, и смотри не напортачь! – глянул Адамов сердито. – Потом медкомиссия, что там еще?.. Ну, разберешься.

Прокурор нахмурился, подойти к главному он никак не решился.

Зарецкий сам помог.

– Алексей Сергеевич, спасибо вам! Только вы так и не сказали, что я должен делать? Вы же не просто так меня отмазали?

– Да, об этом, – выдохнул облегченно Алексей. – Ничего сложного, мне нужны твои хакерские способности. Аппаратура у тебя на месте службы будет, а вот разрешения на взлом некоторых ресурсов нет. Работаем в режиме полной конспирации, без посредников. Вне службы я твой единственный координатор. Для остальных я твой благодетель и наставник, так легче будет общаться не скрываясь. Ставлю задачу – ты выполняешь. И никаких вопросов. Понятно?

– Что-то секретное? – воодушевился парень.

– Очень, – не разочаровал начальник. – Ничего противозаконного, ну, кроме взлома необходимых сайтов и аккаунтов. Будем разрабатывать одного плохого человека. А тайно, потому что человек этот высоко сидит.

– Далеко глядит, – подсказал Кирилл, с пониманием кивая.

Адамов помолчал, изучающе глядя на парня.

– Если кто-то что-то заметит или заподозрит, станет спрашивать, отправляй ко мне.

– Ну, это вряд ли! Следы заметать я умею, вы ведь уже это поняли, – самоуверенно заявил парнишка и рассмеялся, но заметив суровый взгляд прокурора, стушевался. – Ну, то есть, можете не волноваться, никто ничего не заметит.

Прокурор только вздохнул.

– Итак, слушай...

Вкратце введя парня в курс дела и дав первое задание, Адамов еще раз напомнил:

– На связи только со мной, запиши мой телефон, твой я знаю.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Кирилл, записав номер начальства в телефон.

– Все, свободен. Да, – остановил нового подчиненного Адамов, – дело твое я закрываю, но мне недолго вернуть его на следствие, и будь уверен, я найду кого-то поумнее тебя, того, кто следы твои найдет. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

– Да понял я, не дурак. Никаких глупостей и полная конспирация. За это не волнуйтесь.

Адамов кивнул, и как только дверь за хакером закрылась, облегченно выдохнул. Оставалось надеяться, что в парнишке он не ошибся.

Теперь дело пойдет, размышлял Алексей, подъезжая к зданию суда. Первым делом нужно установить контроль за передвижениями Самойлова. Хорошо бы к телефону подключиться, но это будет сложнее. Ладно, позже обсудим с Зарецким. А сейчас самое любимое – обвинить и осудить!

В зале было много народа. Очень много! Давненько не выступал Адамов при такой публике. Но его не особо это волновало. Пашков материал отработал, а срок Адамов выдвинет максимальный, чтобы неповадно было таким вот дамочкам стрелять по подросткам. Он прошел, уселся на свое место и бросил взгляд в противоположную сторону зала, чтобы посмотреть на репетиторшу, и тут увидел знакомое лицо. Он чуть не расхохотался, но нашел силы сдержаться, лишь мило улыбнулся и даже помахал рукой.

Напротив сидела адвокат Березина и смотрела так, будто увидела приведение. Ну да, она ведь ожидала увидеть Пашкова и, наверное, уже потирала руки, в предвкушении победы. Нет, Ростислав тоже неплохой обвинитель, но до Адамова ему далеко, да что там, никогда он не достигнет таких высот. Но все-таки Пашкова она могла бы обыграть. Хотя зачем взялась за защиту в данном деле? Ведь знает, что оправдательного приговора в любом случае не будет. Вот глупая. А тут еще он, Адамов. Алексей даже слегка развеселился.

А адвокат Березина, увидев ненавистного прокурора, поджала губы и подошла к решетке, за которой сидела обвиняемая, что-то шепнула ей, та подняла глаза, поискала взглядом и застыла, увидев Адамова.

Алексей прищурился, пытаясь получше рассмотреть подсудимую. Невзрачная особа, тут же отметил он. Немолодая, бледная, как моль, с гладко зачесанными волосами, типичная училка. В общем, впечатления она на него не произвела. Однако что-то смутило его в образе подсудимой. Что-то еще увидел прокурор в ее застывшем взгляде.

Он снова взгляделся в ее лицо: подбородок высоко поднят, губы крепко сжаты. Как будто гордость или скорее непокорность читались в ее глазах. Она что, еще и гордится содеянным? Или... Или это оттого, что не виновна? Да ну, ерунда, тут же одернул себя прокурор. Именно так смотрят сумасшедшие убийцы или маньяки, уверенные в своей правоте. А, ну да, ясно! Считает, что парень за дело пулю получил. Ну что ж, сути это не меняет, убийца есть убийца.

Закончив анализировать и успокоившись, Адамов уткнулся в дело. Надо срочно пробежаться по главным обстоятельствам, прочитать обвинительную речь, которую подготовил Пашков, и, разумеется, внести правки. Не хватало еще опозориться. Наверное, впервые пришел совершенно неподготовленным. Вот Пашков! Подставил! Но ничего, справится, дело простое и очевидное.

Выхватив наметанным глазом главное, Адамов уселся поудобнее и приготовился к спектаклю. Он-то прекрасно знал, что не стоит даже напрягаться. Дамочка получит по полной, а он уж постарается, вытребует все, что причитается и сверху добавит, заодно и Березину осадит в очередной раз.

– Встать! Суд идет!

Процесс начался, началась привычная рутинная работа. Адамов был расслаблен и уверен в себе...

Через несколько часов все завершилось. Анна никак не могла поверить, что все это происходит с ней.

В ушах эхом отдавался голос судьи:

– Загородняя Анна Васильевна, тысяча девятьсот восемьдесят шестого года рождения, приговаривается к пятнадцати годам лишения свободы... Приговор вступает в силу с момента оглашения... Объявляю заседание закрытым.

Удар молотка вернул ее в реальность.

– Анна Васильевна, вы только не отчаивайтесь. – Голос адвоката слышался будто изда- лека. – Мы обязательно подадим апелляцию. Я вам обещаю, срок пересмотрят! Это все про- курор, чтоб его...

Адвокат все говорила, говорила, а Анна бездумно кивала. Затем подошел конвоир, открыл клетку и, надев на нее наручники, вывел за дверь.

А Адамов не торопясь собрал документы, сложил в портфель и с чувством выполненного долга пошел к выходу.

– Алексей Сергеевич, как всегда, на высоте! Поздравляю! – неслоь с одной стороны.

Кто-то коснулся рукава:

– Адамов, ну ты жесток, брат, жесток!

– Господин прокурор! Господин Адамов! Пожалуйста, ответьте на несколько вопросов!

Центральная газета «Вести»!

Адамов отрицательно покачал головой и вышел, краем глаза заметив каменное лицо адвокатессы.

Через пару дней Алексей навестил своего подопечного.

Тот сидел в огромном кабинете, разгороженном множеством перегородок, в наушниках и с огромным бокалом кофе в руках.

– Ну что, Кира, как новая работа?

– Все норм, Алексей Сергеевич. Пока ерунда всякая: записи с камер видеонаблюдения снимаю, проги ставлю, в общем, все нативное. – Кирилл поставил чашку на стол и, смахнув крошки со стола, кивнул на соседний стул: – Присаживайтесь. Извините, я всю ночь не спал, у отца был, потом домой мотался к Аленке, вот пытаюсь на кофе выехать.

– Ты давай-ка, не расслабляйся. И помни, я за тобой слежу, – угрюмо пробубнил Адамов.

– Так я ничего, – смутился парень, – просто деньги были нужны...

– Ну хватит, не оправдывайся. Проехали. Что-то есть по Самойлову?

– Пока ничего существенного. Выстраиваю график его передвижений, потом связями займусь. Просто здесь тоже много работы...

– Ладно, не все сразу, – Адамов понял, что слишком торопится. – Вот тебе еще задание. – Он наклонился и прошептал несколько слов парню на ухо. – Как что-то будет, звони.

– Хорошо, – закивал Кирилл и, махнув на прощание рукой, снова надел наушники.

Часов в восемь вечера Адамов наконец засобирался домой, собрал документы и вышел из кабинета. Лиля уже ушла, свет в приемной был погашен.

Алексей стоял возле дверей и шарил по карманам в поисках ключа, когда услышал позади себя:

– Привет, Леш.

Услышав знакомый голос, Алексей нехотя обернулся.

Позади стояла Надя Шахова и с лучезарной улыбкой смотрела на прокурора. Он окинул взглядом ее женственную фигуру, на мгновенье задержался на ее пухлых губах и кисло улыбнулся.

– А, Надежда, привет. Ты чего здесь так поздно?

– Да вот, задержалась. Прописку оформляла твоему протеже. А у тебя как дела? Куда пропал?

– По делам уезжал... А что?

– Да так, давно не виделись. Соскучилась, – рассмеялась она, обнажив ряд белоснежных зубов и тряхнув золотистыми кудрями.

Адамов тихонько крякнул, молодец Надежда, всегда в хорошем настроении, даже немного завидно. Он наконец нашел ключ и, отвернувшись к двери, поморщился. Не до нее сейчас!

– Надежда, ты прости, у меня совсем нет времени, – сухо сказал он в дверь, повернулся и, обогнув ее, пошел к лифту.

– Совсем-совсем? – с иронией спросила ему вслед Надя.

– Совсем, – не оборачиваясь кинул он и скрылся в кабине лифта.

Глава 7

Последующие несколько ночей спал Алексей плохо, а в эту ночь вообще не сомкнул глаз. Что-то не давало покоя, сверлило мозг. Обидел Надежду, и что? Что ж из-за этого сон терять? Глупости какие! Правильно Слава сказал, Надя для него всего лишь физиологическая потребность, не более. Прилипла к нему года два назад, когда Пашков его уговорил на новогодний корпоратив сходить. Господи, вот глупость-то сделал! А она словно ждала этого. Ну ладно, тогда им обоим это было нужно, ну и встречались бы, как и раньше, пару раз в месяц, без обязательств, так нет, смотрит глазами побитой собаки, ждет от него чего-то.

Перевернулся на другой бок, закрыл глаза. Все, спать, спать! Завтра много дел. Но снова закрутились мысли. Теперь всплыл в памяти застывший взгляд репетиторши: укоризненный, надменный, презирающий. Жаль ее, что ли? Много присудил? Да ну, ерунда, отогнал он ненужные мысли, просто стареет, вот и не может уснуть. Так и ворочался с боку на бок всю ночь. В итоге утром отвратительное настроение и снова головная боль. Да, точно стареет.

Поспешно собрался и, даже не выпив кофе, вышел в прихожую, в сердцах отшвырнул тапки, схватил портфель и выскочил из квартиры. На работу! Скорее! Там некогда будет о глупостях думать.

В середине дня после неприятного разговора с Березиной (опять приперлась, еле выставил!), Адамов наконец собрался с духом и набрал номер Надежды.

– Надя, здравствуй.

Та посопела в трубку, ничего не ответив.

– Я... Э-э-э... Хотел извиниться... Прости. В понедельник был очень трудный день. А сегодня пятница. Давай сходим вечером поужинать в наш ресторанчик.

Он очень старался, чтобы голос был веселым и дружелюбным, но все равно получилось сухо и как-то вымученно.

Однако Надежда, к удивлению Адамова, порыв оценила:

– Лёш, конечно, давай сходим! Сто лет никуда вместе не выбирались!

Он отчего-то расстроился, но все-таки выдохнул с облегчением и, пообещав заехать за ней ровно в восемь, отключился.

Немного отпустило, он даже повеселел и, схватив бумаги, начал складывать в папку. Ну вот, он ведь старается, чтобы все, как у людей, в мире и согласии с социумом. Тьфу ты! Любовницу социумом обозвать! Совсем уже! Хотя какая она ему любовница?.. А кто она ему? Как ее назвать?

Адамов плюхнулся обратно в кресло.

Надя неплохая, добрая, готовит хорошо и во всем остальном весьма приятная. Весьма приятная?! Алексей прикрыл рукой глаза. Нет, надо наконец себе признаться – не нужна она ему. Никто не нужен. И Слава прав, так нельзя, надо отпустить ее. Ведь ей действительно замуж пора. А сколько ей лет? Тридцать четыре? Или нет, тридцать три, кажется. А день рождения когда? Надо у Пашкова спросить. А в общем-то и незачем.

Адамов решительно встал и, схватив портфель, пошел к дверям, но тут зазвонил телефон.

– Кира, у тебя что-то важное? – раздраженно спросил он, уже открыв дверь. – Я в суд тороплюсь.

– Буквально два слова, Алексей Сергеевич.

– Давай, только быстро, – разрешил прокурор, снова закрыв дверь.

– Нашел я инфу на сына Самойлова. Ему семнадцать, но дело в том, что его...

Адамов поморщился, что-то ему это напомнило. Ах да, его сыну могло быть примерно столько же, или дочери.

– Кира, что за самодеятельность? – перебил он, с силой сжав ручку двери. – Я же тебе говорил, меня не интересует его семья!

– Да вы послушайте! Это любопытно, – настойчиво возразил подопечный, в очередной раз удивив Адамова своей дерзостью.

– Ну, давай, только быстро, – сдался Алексей, доверившись свежему уму, вдруг и правда что-то стоящее?

– Выполнил я ваше задание и случайно наткнулся на кое-что интересное. В общем, сыну вашего Самойлова семнадцать и с отцом он не ладит, вернее, не ладил.

– Почему?

– Сын у него оболтус, мажор и наркоман. Но подает надежды. Вернее, подавал...

– Угу, – угрюмо отреагировал Алексей, – скоро подрастет и станет таким же уродом, как его папаша. Таким не место в обществе, и просто на земле. Погоди, а почему в прошедшем времени?

– Так я, собственно, по этому поводу и звоню. Не станет он уже никем и по земле ходить не будет.

Адамов тут же вытянулся, заняв стойку.

– Ну, рассказывай.

– Убили недавно сынка его.

– Как это? Говори толком!

– Да так, повздорил с учительницей, она его и грохнула.

Адамов помотал головой, мозг тут же начал анализировать услышанное.

– Погоди. Учительница? Это случайно не Загородняя?.. М-м-м, как ее... Анна Васильевна.

– Она самая. Посадили ее, говорят, дали пятнашку.

– Говорят! Дали! – раздраженно передразнил прокурор. – Я ее засадил, я и высудил пятнадцать лет.

– Да ладно, – усомнился Зарецкий.

– А ты все еще во мне сомневаешься? – рассердился Адамов неизвестно на кого, вероятно на себя. Самойлов – отец убитого? Как же он так оплошал?

– Да нет, я в другом сомневаюсь.

– В чем же? – сердито буркнул прокурор.

– Понимаете, она же всего лишь училка... Я почему-то не поверил, ну и покопался в ее биографии. Вот и решил сроченько вам позвонить. Не сходится у меня кое-что. Кажется мне, дело нечисто.

– Не поверил, говоришь? Не сходится? – задумчиво произнес Алексей, потирая ноющий висок. Вот и у него кое-что не сходилось, но он придушил сомнения, и на профессиональное чутье забил, все равно добился максимального срока. – Твою мать... Ладно, Кира, все понял, кинь мне информацию на почту, я посмотрю. А поговорим после.

Алексей вернулся, сел за стол и уставился в погасший монитор. Ошибся? Напортачил. Дело не изучил. Как же так? А как он не заметил фамилии Самойлова в деле? А парень-то какой молодец! Вот что значит непредвзятый, свежий взгляд.

Ошибаться и ставить свои решения под сомнение он не привык, а потому, тут же набрал номер секретаря.

– Лиля, срочно принесите мне дело Загородней.

– Так я это... Алексей Сергеевич, я его в архив уже сдала.

– Что? – вскипел прокурор, тут же поднялся и, выскочив в приемную, подлетел к столу секретаря. – Лиля, ну когда вы все успеваете?! – прорычал он, упершись кулаками в стол.

– Извините, – вжала секретарша голову в плечи, – но вы же сами сказали, что все, закрыто дело.

– Так. Срочно заберите из архива дело Загородней. Срочно!

– Хорошо, – подскочила секретарша. – Сейчас сбегаю, только вряд ли отдадут. Теперь запрос нужен... Официальный.

– А-а-а! Ну хорошо, хорошо! Сегодня напишу. Я сейчас в суд, потом вернусь, и... А Пашков не звонил? У него в компьютере наверняка есть все данные по делу. Куда он пропал, черт его побери?!

– В понедельник возвращается.

– Ну хоть одна хорошая новость! – рывкнул прокурор и скрылся в кабинете.

Судебное заседание затянулось, и Адамов из суда поехал напрямик домой. Бессонная ночь сказывалась, усталость навалилась, он дремал, сидя в старом мамином кресле, и прокручивал в мыслях все, что узнал сегодня. Только поздно вечером вспомнил, что сегодня практически ничего не ел.

Устало поднявшись, пошел на кухню, открыл дверцу холодильника, где по обыкновению повесилась мышь, и тут вспомнил – Надя! Глянув на часы, Адамов ругнулся. Полдесятого. Поздно.

– Надежда, прости, я в суде был...

В трубке раздались короткие гудки.

Алексей снова выругался, но на душе почему-то стало легче. Ладно. Завтра... Нет, в понедельник. Он обязательно спустится в канцелярию и скажет ей, что... А что надо сказать? Что говорят в таких случаях? Надя, прости, мы не подходим друг другу? Или Надя, я тебя не достоин, тебе нужен кто-то похороше, поласковей? Глупости какие! Надо у Пашкова будет спросить...

На этот раз он провалился в сон, едва коснулся головой подушки. То ли причину своей бессонницы нашел, то ли накопился недосып. Мозг что-то пытался анализировать, планировать, хотелось срочно вскочить и куда-то бежать, но организм распорядился иначе. Ладно, утром, все утром...

Все выходные Алексей занимался самобичеванием, мыслями о том, что чувствует Самойлов, потеряв сына, и анализом информации, которую прислал Зарецкий.

– Так-так, почитаем... – бубнил про себя прокурор, читая письмо. – Анна Васильевна Загородняя, тридцать пять лет, педагог со стажем... Ну, это мы знаем, это неинтересно... А, вот! Живет с матерью-пенсионеркой, не замужем, детей нет. А нет, тоже не то... В гимназию устроилась через знакомую, бывшую однокурсницу, Любовь Никоненко... Педагогический институт окончила с отличием, в прежней школе была на хорошем счету, вела благотворительные факультативные уроки для малоимущих детей, на общественных началах организовывала экскурсии, любит детей, дети ее тоже. Та-а-а... Уволилась из-за болезни матери, перешла в гимназию, где зарплата вдвое выше. И это неинтересно.

Адамов чертыхнулся и набрал номер Зарецкого.

– Кира, ну и что ты мне прислал? Что ты тут увидел в защиту Загородней? То, что она детей чужих любит?

– Алексей Сергеевич, а вы второе письмо прочитали? Ну, про этого, про убитого Керкиса.

Адамов открыл еще одно письмо и пробежал глазами текст: «Никита Андреевич Керкис... Лечился от наркотической зависимости, имел несколько приводов за торговлю наркотиками, пьяную драку и поножовщину». Алексей присвистнул, ничего себе биография! В семнадцать-то лет! Так, что дальше... «В каждом приводе освобожден от ответственности за недостаточностью улики или отсутствием состава преступления». Понятно, отец постарался.

– Ну и что? Я же говорил, отморозок, весь в папашу.

– Так вот и не сходится. Она обычная училка, а он отморозок.

– И что? Она и убила, потому что парень отморозок. Не пойму, скажи толком.

– Да что непонятного? Скорее он мог ее убить. И, думаю, вряд ли эта училка вообще умеет пользоваться пистолетом. А в инете пишут, что преступление было спланировано заранее и основано на давнем конфликте. Ладно бы в состоянии аффекта! Только в этом случае она должна была его огреть чем-нибудь тяжелым, ну или ножом пырнуть, а тут пистолет.

– Вот и именно, значит, планировала.

– Нет, – твердо заявил Кирилл, – как-то не вяжется это с ее биографией. Да, ругалась она с ним, да, был конфликт, но спланировать убийство...

– А ты узнал, что за конфликт?

– Обижаете. Самолично вчера сгонял в гимназию, потолковал с его одноклассниками, друзьями и недругами.

– Опять самодеятельность разводишь?

– Так я как лучше хотел...

– Ладно, молоток. Ну и что узнал?

– Да что-что! Урод этот кормил ребят из младших классов наркотой, подсаживал, так сказать. Она увидела и потащила его к директору, но парню все сошло с рук, а вот ей влетело.

– Ну я же говорю, яблоко от яблони... – задумчиво произнес Адамов, припоминая, что про конфликт было кратко написано в деле, но немного иначе: Керкис повздорил на уроке с Загородней из-за плохой оценки, а она оговорила его, рассказав директору небылицу про наркотики. Докапываться до истины, разумеется, никто не стал, потому как отец ученика большой человек. Тьфу ты! Адамов скривился.

– Значит, все-таки были наркотики?

– Были, – уверенно подтвердил Зарецкий, – и думаю, именно поэтому с отцом пацан и не ладил. Вряд ли папаша одобрял такое. А еще ребята рассказали, что после того инцидента Керкис училке прохода не давал, угрожал и всячески издевался.

– Ну вот, чем не повод?

– Да в том-то и дело, она ему двойки ставила и угрожала не аттестовать по иностранному языку. Полагаю, это самое страшное, на что она способна. А потом его папаша, ваш Самойлов, пришел и нанял ее репетитором к сыночку. Сечете момент? Прямо как специально.

– Ясно. Надо думать.

Адреналин в крови забурлил, Алексей почти физически ощутил, что близок к чему-то важному...

Глава 8

Анна потерянно смотрела на подругу сквозь мутное, испещренное мелкими царапинами стекло.

– Анюта, ты прости, это я во всем виновата. И зачем я тебя уговорила стать у него репетитором? – шмыгнула носом Люба.

– Перестань, Любаш, я сама принимала решение. И вообще, что теперь об этом говорить?

– Я так надеялась на Дарину Березину! Она лучшая, столько дел выиграла!

– Да, спасибо тебе за адвоката. Прости, возместить расходы вряд ли смогу. – Анна попыталась улыбнуться, но получилась жалкая гримаса.

– Ой, брось, – запричитала Люба, – какие расходы? Это же я во всем виновата. Жаль только, что она не справилась, а ведь мне ее рекомендовали.

– Она действительно неплохой адвокат и человек хороший, но так уж сложилось...

– Ой, это все прокурор! Дарина сказала, он просто зверь! Но она не собирается сдаваться, будет подавать апелляцию, так что ты не отчаивайся, ладно?

Та только кивнула.

– Люба, послушай, я попрошу тебя... Там мама одна, ты можешь найти кого-нибудь, чтобы присматривали за ней?

– Она знает про тебя?

– Нет, она думает, что я в командировке. Может, потом как-нибудь скажешь ей? Ой, не знаю, она этого не вынесет. Тяни, сколько сможешь.

Любаша закивала:

– Конечно, придумаю что-нибудь.

– Послушай, у меня в комодке во втором ящике сверху, под бельем лежит конверт. Найми, пожалуйста, ей сиделку. Там немного, но... Это все, что я успела заработать у... Самойлова, – Анну передернуло, она не могла произносить эту фамилию без содрогания.

– Хорошо, не беспокойся, все сделаю. – Люба вытерла слезы. – Я там тебе передачу принесла, но они не взяли, сказали, все должно быть в прозрачных пакетах, конфеты без фантиков, взяли только одежду.

– Спасибо, – Анна с болью посмотрела на подругу, которая без конца вытирала слезы. А вот сама она не могла проронить ни слезинки. Все еще находилась в ступоре.

– Свидание окончено! – оповестил надзиратель.

Анна тут же встала.

– Ты не плачь, Любаш, и не вини себя. Так сложились обстоятельства. Ты главное верь, это не я. Я не виновата.

– Я верю! Верю, Анюта! Мы будем бороться!

В понедельник Алексей мчался на работу, презрев все дорожные знаки и светофоры, ему не терпелось приступить к расследованию. Да-да, он собирался заново провести расследование по делу «Репетитора». Собственно, это его работа: есть сомнения, значит, надо копать, проверять и перепроверять. Главное надо срочно найти серьезное основание для возобновления следствия.

Едва перешагнув порог кабинета, куда он пришел сегодня даже раньше, чем Лиля, он сел за стол, чтобы написать запрос в архив и тут с удивлением обнаружил прямо перед собой дело Загородней. Он даже присвистнул. Умница Лиля! И что он на нее набросился? Вот, обошлась как-то без официального запроса.

Забыв снять плащ, он тут же раскрыл папку. Ага, вот анкета на погибшего.

Как же так?! Почему он не обратил внимания на фамилию отца? Керкис – такая фамилия у погибшего, и в суде была его мать. Да, припомнил Алексей, он видел женщину в черном, которая периодически плакала и прятала лицо на груди у мужчины, который сидел рядом и обнимал несчастную, но это был не Самойлов. Адамов опустил глаза и прочитал. Ну точно, Наталья Керкис. Почему она Керкис? Он всегда думал, что она Самойлова. Неужели начала подводить память? Да ну, не может быть! Это его главная фишка. Просто он вообще не знал об этом факте и думал о чем-то другом. О чем? Да о своем деле. И почему он совершенно не интересовался его семьей? Вот так вот, погрузился с головой, копал вглубь и пропустил то, что было на поверхности. Хотя если бы не пропустил, что с того? Все равно все факты против обвиняемой...

Что же он еще упустил? Адамов снова открыл дело и тщательно, листок за листком прочитал все документы.

В кабинет заглянула Лиля.

– Вы уже здесь, Алексей Сергеевич? Доброе утро, – разулыбалась она.

Он даже не поднял головы.

– Лилиан Петровна, сделайте, пожалуйста, кофе. Двойной, – ответил начальник, опустив приветствие, ибо некогда!

Та надула губки. Мог бы и похвалить! Она в пятницу почти час уговаривала Руднева вернуть дело без запроса. Пришлось пообещать сходить с ним на свидание. Но начальство не оценило, впрочем, как и всегда.

– Лилия, как только появится Пашков, сразу направьте его ко мне.

– Хорошо, – обиженно ответила та и, поставив чашку на стол, скрылась за дверью.

Пашков появился только после обеда.

– Привет! – В двери показалась круглая русоволосая голова.

– А, Ростислав, заходи.

– Что такой серьезный? Что-то случилось? – деловито спросил помощник в тон начальству.

Адамову показалось, что помощник выглядит виноватым.

– Ты знал, – догадался он.

– О чем? – сделал невинные глаза тот, усаживаясь в кресло по другую сторону стола.

Адамов молча кивнул на дело.

– Слав, мы знаем друг друга сто лет.

– О чем ты? Не пойму.

– Прекрати. Ты знал, что Самойлов – отец погибшего?

– Ну, знал, конечно! Ты же мне дело поручил. Я отработал.

– Отработал?! – взвился Адамов. – Посмотри! Вот здесь! Что написано?

Пашков нехотя поднялся и, перегнувшись через стол, прочитал:

– Так... «Заключение: Отпечатки на орудии убийства нечеткие, смазанные. Кровь на одежде подозреваемой принадлежит убитому».

– Угу. А вот здесь?

– М-м-м, «...по данным видеокamеры подозреваемая вошла в дом в 16.55...»

– Так. А теперь глянь сюда.

– Заключение: «Смерть наступила около семнадцати часов». Ну и что? Что ты хочешь этим сказать, Лёш? Не пойму.

– А то, что все шито белыми нитками. Да так все гладко! Тютелька в тютельку. Смерть наступила не с шестнадцати до семнадцати, а прям точно в срок! Неужели ты не видишь? И почему ты, черт возьми, сразу этого не заметил?! А сходу поверил в виновность этой... Загородней А.В. – прочитал Адамов фамилию на анкете и приблизил лицо к фотографии. Снова этот взгляд! Он бросил листок на стол. – А? Почему? Я тебя спрашиваю!

– То есть ты хочешь сказать, что она не виновна?

– А это еще что? – Адамов нахмурившись прочитал: – «Оружие принадлежит отцу убитого...». Слава, пистолет, из которого стреляла Загородняя, принадлежит Самойлову? Откуда репетиторша взяла его? Украла? Когда? При каких обстоятельствах?

– Да нет, вроде, убитый украл его у отца и...

– Вроде??? – Адамов даже привстал от негодования. – Слава, ей предъявили предумышленное! Это значит тетка готовилась заранее! Получается, Керкис сам пистолетик приготовил и в руку ей вложил?

– Нет, пистолет, походу, парень у отца спер и в своей комнате хранил. А она, видать, узнала.

– Походу?! Видать?! – рассвирепел Адамов.

– Ну так что в деле-то написано на этот счет?

Алексей испепеляющим взглядом посмотрел на помощника.

– Отработал, говоришь?.. Ты дело-то вообще в глаза видел? Ладно, – снова уставился он в документы, – а где ее показания? А, вот... «Когда я вошла, он обернулся...» Понимаешь? Обвиняемая призналась, что он был жив, когда она вошла. А разве убийцы так делают? Нет! Они говорят, что убитый до их прихода был уже раз сто пристрелен и давным-давно валялся мертвым!

– Согласен, не сходится, – очень быстро согласился помощник и моргнув виновато. – Надо передавать на следствие.

– На следствие?! Раньше надо было думать. Все, приговор вынесен! – запыхтел Адамов.

– Слушай, а что ты тогда от меня хочешь? И что я, по-твоему, должен был делать? Свалил все на меня, – обиженно поджал губы Пашков. – А Левашов долбил каждый день! Давай-давай, давай-давай!

– Отлично! А что теперь мне делать?!

– Ты прокурор, ты имеешь право отменить постановление суда.

– Ты же знаешь, Левашов добро не даст без серьезных на то оснований. Дело громкое, резонансное.

– Вот именно... Ну, надо убедить его как-то. Нарыть основания.

– Верно. Вот и займись. Твой косяк, ты и убеди Левашова.

– Ой, нет-нет, это без меня.

– Что??? – вскинул брови прокурор.

– Лёш, у меня там мать целыми днями рыдала... – жалостливо пророптал Пашков, обеими руками показывая себе за спину. – Это был ужас! Еле вытерпел.

Адамов насупился:

– Ладно, иди. Сам займись...

– А знаешь, что, давай-ка расслабимся, – примирительно улыбнулся Ростислав. – У меня тоже нервы просто ни к черту!

– Что значит «тоже»???

Пашков хохотнул и подмигнув метнулся к себе, тут же вернулся, держа в руках два бокала и бутылку коньяка.

– Слав, ты чего? День в самом разгаре, – уставился на помощника прокурор.

– Тебе сегодня надо в суд?

– Нет.

– Тогда можно.

Минут через тридцать они сидели за журнальным столиком у окна и мирно беседовали.

– Мать, конечно, не в себе. Плачет все время, – делился наболевшим Ростислав. – Дом этот еще дед ее строил. А мы с отцом, когда был жив, не раз его ремонтировали.

Адамов кивнул, думая о своем.

– А я с Надеждой расстался.

– Что? – Пашков даже протрезвел.

– То есть, хочу расстаться. Да только не знаю, как ей сказать.

– Как? Да так и скажи. Не люблю.

– Да как-то невежливо, – пожал плечами Алексей.

Пашков расхохотался.

– Невежливо? А по-моему, как раз в твоём духе: четко и по существу.

– Да как-то не привык я женщин обижать, – сказал прокурор и немного смутился, кажется, он здорово обидел одну женщину, да что там, разрушил её жизнь, обвинив в том, чего она не совершала. Из-за этого он здорово терзался, но не потому, что жаль репетиторшу, просто испытывал стыд за свой непрофессионализм. Впервые так облажался.

– Да ладно! А Березина? – напомнил Ростислав и хохотнул.

– Нажаловалась? – поджал губы Адамов, про неё-то он не подумал.

– Ой, так плакалась, так плакалась! – продолжал балагурить Пашков. – Говорит, ты всю её карьеру под откос пустил.

– А нечего было браться за такое дело! – вскипел прокурор. – Хотя теперь и не знаю...

Ростислав задумчиво посмотрел на друга:

– Ты правда думаешь, что не Загородняя убила?

– Уверен.

– Тогда кто? Уж больно все гладко, все улики против неё... – Пашков вдруг прищурился и посмотрел на Алексея. – Слушай-ка, а не ты ли случайно хлопнул парнишку?

Адамов округлил глаза, по привычке подняв брови вверх, отчего морщины на лбу стали ещё глубже и заметнее.

– Ты совсем уже?

– Да-да! А зачем ты поспешно уехал? А? Алиби хотел себе обеспечить? – пьяно усмехнулся Пашков и погрозил пальцем: – Ты ненавидел Самойлова, думаешь, я забыл, как ты о нём все время отзывался? А я все помню, ты винишь его в том, что произошло...

– Слушай, заткнись, а?! – сходу разъярился Адамов. – Ты все знаешь. И помнишь, что он сделал с моей жизнью. Но также ты знаешь меня. Много лет. Так неужели я дал повод...

– Дал, и не раз, – перебил Пашков. – Ты ведь ненавидишь его до сих пор. Хоть и ни разу не упоминал об этом. А я тебя насквозь вижу, не зря же мы вместе пуд соли съели.

– Вот именно, Слава... А Самойлов у меня получит сполна.

– Что, за внучку теперь возьмешься? – неудачно пошутил Ростислав.

Алексей сжал кулаки и кинулся на старого друга.

– Да как ты смеешь! Да я никогда! Ребенка!

– Ладно, ладно, – отмахнулся тот. – Но сына его великовозрастного ты вполне мог... Слушай, а может, у тебя крыша поехала на почве мести?

– Я знаю, ты это несерьезно, – хмыкнул Адамов и поделился догадками: – Скорее, его убил родной отец.

– Самойлов??? Да ну... Ты просто хочешь так думать.

Адамов задумчиво покачал головой.

– А почему нет? Вполне возможно. Ты же знаешь по опыту, ещё и не такое бывает. А я знаю, что отец и сын не ладили. Надо только доказать. Я ведь и правда давно ждал. Знал, что рано или поздно что-то такое произойдет. И я разберусь! – Адамов невольно сжал кулаки. – Так что, давай-ка, уймись, следопыт недоделанный. Лучше помоги мне. Поможешь?

Тот неуверенно кивнул.

– Если буду чем-то полезен, обращайся. Но обещай, что не влезешь в криминал и меня не втянешь. Слушай, – вдруг насторожился он, – а не хочешь ли ты, случайно, улики подтасовать? Тогда я «пас»!

Адамов глянул исподлобья, хотел сказать что-нибудь обидное, но вдруг замолчал. Ростиславу есть что терять – у него семья.

– Ладно, посмотрим, может, обойдусь без тебя. А ты займись текущими делами, чтобы я не отвлекался. Договорились?

Пашков с облегчением кивнул и, прихватив пустую бутылку с бокалами, вышел.

А Адамов откинулся в кресле и тихо, зло рассмеялся.

– Ну что ж, теперь-то я тебя достану. Ты не уйдешь от меня. Только надо все продумать...

Хмель будоражил и слегка туманил мозг, но мыслил прокурор здраво. Так. С чего начать? Конечно, ему нужна Загородняя, скорее всего она и правда непричастна, но должна что-то знать, она могла что-то увидеть или услышать на месте преступления, только никто ей не дал и слова сказать, да и вряд ли кто-то спрашивал. А это значит... Значит, надо срочно вытаскивать ее из тюрьмы, ну или для начала хотя бы побеседовать. Хмельной туман постепенно уходил, и мозг уже разрабатывал план действий.

Из раздумий Алексея вырвала трель телефона.

– Да... – коротко бросил он в трубку, – понял, буду... – Адамов глянул на часы, прикинув, сколько надо времени, чтобы выпить крепкого кофе, умыться и добраться до IT-отдела, – через двадцать семь минут.

Надо было добавить «спасибо», Зарецкий все-таки добыл ему информацию, которую Алексей так ждал. Но ничего, перебьется. В конце концов Зарецкий ему должен. Собственно, для этого он его и вытащил, чтобы держать на тонком поводке.

Глава 9

На следующий день, едва переступив порог приемной, прокурор чертыхнулся.

– Опять ты? – Адамов хмуро посмотрел на сидящую в приемной Березину. – Что на этот раз? Я очень занят.

Ответа ждать он не стал и прошел напрямик к себе в кабинет.

Но Березина не собиралась отступать и подскочив метнулась следом.

– Мне надо поговорить с вами, Алексей Сергеевич.

– Опять? – Он резко обернулся и, сделав свирепое лицо, спросил: – Скажите-ка, Дарина Евгеньевна, почему из всех знакомых мне адвокатов чаще всего я вижу вас? Уж не влюбились ли вы в меня?

Дарина на секунду потеряла дар речи, потом хотела ответить что-нибудь едкое, но решила не отступать от задуманного.

– Она не виновна. – Увидев недоуменный взгляд прокурора, пояснила: – Загородняя не виновна.

– Что? Ты серьезно??? – сходу рассердился Адамов. – А! Это тебе Пашков сказал? Или Лиля? Ну, все!

– Да успокойтесь, пожалуйста. Я пришла не как должностное лицо. И никто мне ничего не говорил. Просто я была у Загородней в СИЗО, через несколько дней ее отправляют по этапу.

– И что тебя туда понесло?

– А то! Я долго думала... Меня мучает совесть ...

– Да что ты! – сыронизировал прокурор.

Дарина не обратила внимания на сарказм и, поджав губы, продолжила:

– ... будто я сделала не все или сдалась.

– Да брось! – отмахнулся Адамов.

– Выслушайте! Просто выслушайте.

– Ну, – сдался наконец прокурор и замолчал.

– Она не в себе, даже не плачет, просто, как статуя. Я попыталась вывести ее из этого состояния, разговорить, но безуспешно. Тогда я поехала в следственный отдел. Еще раз переговорила с экспертами и баллистами, которые давали заключения.

– Зачем? – искренне удивился Адамов. – Суд вынес решение. Все, точка. И вообще, кто тебя туда пустил?!

Но Дарина не собиралась выдавать свои профессиональные секреты.

– Они тоже очень сомневаются, что Загородняя убийца, – продолжила она свою речь.

– И в чем сомнения? – насупился прокурор.

– Ну, улики, конечно, присутствуют, но сомнений больше. К примеру, они говорят, что так запросто воспользоваться старинным оружием невозможно, тем более женщине.

– Ну, это домыслы и инсинуации!

– Хорошо, а почему следов пороха на руках нет?

– А то ты не знаешь, как это возможно! – Алексей нервно провел пальцами по тугому воротнику, пытаясь ослабить его. – Перчатки надела, потом выбросила. Наконец, шейный платок на руку намотала, потом на шею опять повязала, никто и не подумал проверить, кстати!

– Да погодите вы, не кипятитесь. Вы только на секунду допустите, что она говорит правду, и просто оказалась не в то время, не в том месте. Очень кстати для настоящего убийцы, согласитесь? И потом, вы правда верите, что скромная, интеллигентная женщина могла такое продумать и исполнить?

– Почему нет? Ты, к примеру, знаешь, как ее называли в гимназии? Железный педагог.

– И что? Точно вам говорю, она не виновна. Вы совершили большую ошибку. Ну хоть раз признайте свое поражение и мне поверьте! Ведь это человеческая судьба!

Адамов вскочил и подошел к окну, не мог он на нее смотреть, потому что сам уже понял, не виновна репетиторша. Кто-то подставил, или, действительно, роковое стечение обстоятельств. И несколько ему не было жаль ее, но вот кто на самом деле убил, в этом была интрига. А вдруг это и правда поможет ему разделаться с Самойловым?

– Алексей, она не виновата, – почти шепотом повторила Дарина, впервые назвав его просто по имени.

– Ну и что ты от меня хочешь? И вообще! Когда ты уже отстанешь от меня?! – вышел он из себя.

– Я вижу, вы тоже сомневаетесь... И потом, дело явно недоработано!

– Что? – с негодованием спросил Адамов обернувшись.

– Да. Вы, к примеру, знаете, что моя подзащитная держала в руках кинжал, когда приехала полиция?

– Что? – снова спросил прокурор, теперь с изумлением.

– Это Загородняя мне сказала, еще до суда. Я вчера пыталась выяснить подробности, но она не в состоянии что-либо объяснить, да и не хочет уже ничего. Отчаялась. И в правосудие совсем не верит.

Прокурор сердито махнул на адвокатессу рукой:

– А вот это брось, Дарина! На подначку меня не возьмешь!

– Да я помочь ей хочу!

– Как? – Он с искренним удивлением уставился на нее.

– Подам апелляцию. Но только хочу заручиться вашей поддержкой. Если бы мы вместе...

– Хорошо, – шумно выдохнул он. – Подавай. А я со своей стороны попробую поспособствовать.

– Что? – опешила Дарина и уставилась на прокурора.

– Что? – задал он встречный вопрос. – Опять что-то не нравится?

– Я просто не думала, что вы так быстро согласитесь. Думала... придется на коленях перед вами ползать...

– Угу, давай вот без пафоса только, – засопел тот и нахмурился. – Действуй, а я со своей стороны иницирую возврат дела на следствие.

– Спасибо!!!

Дарина не сдержалась, подлетела к Адамову и чмокнула в колючую щеку.

Он стусевался и сердито махнул рукой:

– Идите уже, Дарина Евгеньевна, дайте поработать!

Не привык он к таким эмоциям.

Анна сидела на жестком топчане и, обхватив колени руками, бездумно смотрела в стену.

– Ничего, люди везде живут. И в тюрьме совсем даже неплохо, – делилась опытом соседка по камере. – Иди, чайку заварила. Не чифир, конечно, но тоже сойдет. Зато со сладким. Сеструха принесла, иди, угощаю. Тебя-то, видать, некому сладеньким побаловать.

Анна брезгливо глянула на стол и мотнула головой.

– Ну и дура, – приласкала соседка, – там конфет не будет и печенья тоже. Только если заработаешь. – Она захохотала, обнажив все двадцать два желтых зуба, чудом сохранившиеся после двух отсидок. – А заработаешь ты вряд ли. Потому как неказиста и не очень уже молода. А тамошние надзиратели сама понимаешь, любят помоложе да покрасивше.

Анна хмыкнула и снова промолчала.

– А будешь характер показывать, – не унималась добрая сокамерница, – так вообще будешь туалеты драить, да трусы бабам стирать. Да, еще в синяках ходить будешь, и пикнуть не посмеешь, потому что тогда вообще жизни не дадут.

Анна глянула зверем и отвернулась. Она не могла даже во сне представить себе такие ужасы. Как же она так влипла? Это все прокурор этот, Адамов, такой злощий, словно Тифон. По лицу видно, ненавидит всех, и никого не жалеет. Зверь, а не человек. Не поверил в ее невиновность или не захотел поверить. Хотя, что ему до нее? Виновна, не виновна, улики есть, значит, будет сидеть. Маму жалко, как она без нее? Соцработники, которых Анна попросила найти подругу Любу, вряд ли будут смотреть за мамой должным образом. А впрочем, маме общение с новыми людьми пойдет на пользу. Ничего, привыкнет, да и выбора у нее нет. И вряд ли они когда-нибудь увидятся. Ане дали пятнадцать лет. Она уткнулась в колени и вдруг зарыдала. Впервые за все это время.

– Ой, ты посмотри на нее, разнюнилась. Напугала я тебя? Да не бойся, все там живут, а некоторые даже выживают, – «успокоила» соседка. – Вон я, третий раз иду, и ничего, не рыдаю.

Залязгали замки, дверь со скрежетом распахнулась, и на пороге показался охранник.

– Сенцова, с вещами на выход.

– Ой, родимый! А чего? А куда? Я ж только вчера заселилась.

– Разговорчики! Давай быстро.

Та мгновенно подхватила, сгребла вещички в старую потрепанную сумку, угощения со стола туда же смахнула и посеменила следом за охраной. Анна вздохнула с облегчением, соседка была ей неприятна.

Но радовалась она недолго, примерно через час дверь снова открылась, и в камеру вошла шуплая, не очень молодая женщина с бегающими черными глазами и нервным лицом. Она почему-то напомнила Анне Никиту Керкиса. Тот тоже был такой же дерганный. Бедный мальчик, каким бы он ни был, жаль его. Но кто же убил парня? И за что? Наверное, из-за наркотиков. Он сам употреблял и, возможно, продавал, так ведь часто бывает с наркоманами. Точно, наркоманка, тут же догадалась Анна и с подозрением покосилась на новую соседку.

К счастью, та в душу лезть не стала, улеглась на соседнюю шконку и, отвернувшись к стене, мгновенно уснула. А Анна долго сидела, пока малюсенькое окошко под потолком не потускнело, а затем и совсем почернело. Точно также померкла и ее жизнь, Анна вытерла слезы и, накрывшись жестким казенным одеялом, уткнулась в стену. Как Сенцова сказала? И там люди живут? Может, и правда? Только разве можно это назвать жизнью?

Она вспомнила, как пришла на урок в тот злополучный день. Когда Анна вошла в комнату Никиты, тот стоял, склонившись над столом, спиной к ней. Она подумала, что он что-то пишет или раскладывает учебники, а еще заметила, что он будто дрожит всем телом. Тогда она подумала, что он под дозой. Только этого не хватало, рассердилась Анна! Хотела даже развернуться и уйти, но, когда он повернулся, она невольно вскрикнула. Никита смотрел стеклянными глазами куда-то мимо нее и что-то говорил. Что же он говорил?..

Она долго не могла понять, почему ее обвинили в том, что она в него стреляла. Ведь там был только нож. Да-да, она отчетливо помнила, что в руках он сжимал красивый старинный клинок с длинным лезвием, а на груди зияла кровавая рана. Первой и самой очевидной мыслью было, что он сам ударил себя ножом в грудь. Никита начал заваливаться прямо на нее, и она подхватила его, автоматически выхватив из руки нож. Боже! Это был кошмар!

А дальше все происходило как во сне. Видимо, услышав ее крики, в комнату вбежала горничная, а следом мать Никиты, Наталья Керкис. Обе завизжали и бросились к ним. А еще через мгновение, как показалось Анне, в дом приехал наряд полиции.

– Где пистолет? Куда вы его дели?

– Какой пистолет? – Анна безумными глазами смотрела на мужчину. Она никак не могла понять, при чем здесь пистолет.

– Пистолет, из которого вы убили Никиту Керкиса.

До нее никак не доходило, почему ее обвиняют? Ведь она пыталась помочь. Анна обернулась и посмотрела на белую простыню, которой укрыли тело. Сквозь тонкую белую ткань тут же проступило кровавое пятно. Ее передернуло.

– Убила? Я? Пистолет?

Оперативник огляделся, прошелся по комнате, вдруг наклонился и, на мгновение исчезнув под столом, выпрямился.

– А вот и орудие убийства. – Мужчина улыбаясь протянул руку. На указательным пальце, поддетый за курок, покачивался старинный длинноствольный пистолет.

Анна уставилась на оружие.

– Это не я... Не я... – потрясенно шептала она.

Но как же так? Анна поднялась и, сев на топчане, уставилась в темноту. Она была уверена, что Никита ударил себя кинжалом. Она думала, что ее будут обвинять именно в этом, ведь у нее в руках был этот несчастный нож. А куда он потом делся? Ведь, когда приехала полиция, она все еще сжимала его в руках. Или нет? Боже, она ничего не помнит!

А что же он ей бормотал? Что-то про телефон. Но позвонить она так и не успела. Может, его успели бы спасти?

Анна схватилась за голову и тихонько завывала.

– Я не убивала. Это не я... не я...

– А ну заткнись! Дай поспать! – рявкнула разбуженная сокамерница.

Анна легла и затихла...

Накопившаяся за несколько дней усталость резко навалилась, и едва она закрыла глаза, будто провалилась в бездну. Ей снилось, что она тонет, все глубже погружаясь в воду, дышать уже нечем, и сердце вот-вот остановится. Анна проснулась, пытаясь сделать глубокий вдох, и увидела над собой лицо соседки по камере...

Тут же она поняла, почему не может вздохнуть – тетка, мертвой хваткой вцепившись в горло, душила ее. Сознание почти угасло, но она все еще сопротивлялась, пытаясь освободиться, вынырнуть из глубины. Дрожание от напряжения пальцы все сильнее сжимали горло, и Анне уже казалось, что перед ней сама смерть: страшная, костлявая, с провалившимися глазами. Из последних сил она сделала попытку оттолкнуть убийцу, но в глазах потемнело, и шансов на спасение не осталось...

Глава 10

– Что? Ты с ума сошел? Какое следствие?! Как не виновна? – Левашов ошалело смотрел на Адамова.

Алексей сел за стол и положил перед собой папку.

– Роман Федорович, я внимательно посмотрел дело...

– Нет, нет и нет! – запротестовал тот, для убедительности похлопывая ладонью по столу в такт каждому слову. – Следствие завершено, дело закрыто и точка! Твоя прямая обязанность – надзор! Надзор и обвинение! Все!

– Именно. Я обязан был проверить все факты, предоставленные следствием, а потом уж в суд идти.

– Да какие там факты?! – вытянул шею Левашов. – Все же прозрачно и очевидно. Пашков все сделал на «отлично»!

Но Алексей упрямо гнул свое:

– Есть серьезные основания полагать, что ее подставили.

– Основания? Какие? – испуганно поморгал Роман Федорович.

– Прежде чем прийти к вам, я как следует изучил обстоятельства дела.

– И что?

– Там не хватает некоторых данных.

– Правда?

– И прямых улик нет. Вот, посмотрите сами. – Адамов достал листок из папки и положил перед Левашовым. – Отпечатков на оружии нет, пороха на руках подозреваемой тоже.

– А кровь? Репетиторша вся была испачкана кровью убитого.

– Вот именно. Получается она выстрелила, а потом бросилась обниматься? И таких нестыковок целая куча! – Адамов яростно потряс папкой, начиная злиться. – А знаете, что самое интересное? В деле нет ни слова о том, что в руках убитой был вовсе не пистолет, а какой-то кинжал. Вы не знаете, как так получилось? – Алексей угрюмо уставился на Левашова. – А? Так, может, она защищалась? От кого? От Керкиса или кого-то другого? Настоящего убийцы, например.

Роман Федорович смутился:

– Кинжал? Откуда он там взялся?

– Вот и я хотел бы знать. А еще хорошо бы узнать, куда делся этот нож. Пистолет, кстати, принадлежал отцу убитого. При каких обстоятельствах он оказался у обвиняемой, если это она убила? Есть идеи? А дело уже закрыто, и на этот вопрос должен был ответить следственный отдел еще до суда.

– Да, что-то не доработали, – приуныл Левашов под натиском аргументов.

– Вот-вот! Поторопились. Я понимаю, дело громкое, и нужно было поскорее закрыть его, но я-то как маху дал?! Невинному человеку пятнадцать лет строгача присудил.

– Да погоди ты! – отмахнулся Роман Федорович. – Невинному! Надо доказать сначала.

– Именно это я и хочу сделать. – Адамов устало потер лоб, ему вдруг вспомнилось, как подсудимая коротко и твердо ответила: «Вину не признаю».

– Нет, погоди. Все что ты сказал, не доказывает, что она не виновна.

– Да. Но это не доказывает и обратного.

– Но на чем же строилась твоя обвинительная речь? – с упреком посмотрел Левашов.

– На том, что написано здесь. – Адамов постучал пальцем по папке и тяжело вздохнул. – Давний конфликт с учеником, взаимная ненависть, чего обвиняемая, кстати, и не отрицала. Затем тщательно подготовилась, пришла на урок, достала пистолет, выстрелила, оружие бросила под стол, а потом будто бы кинулась помогать несчастному. Вот интересно, а в какой руке

в момент выстрела она держала нож? В левой, вероятно. Она боец спецназа? Или, может, ниндзя? А главное, откуда он появился и куда исчез? – Адамов кипятился и выстреливал слова словно из того злосчастного пистолета. – Почему в деле нет показаний обвиняемой на этот счет? А где свидетельские показания?

– Так может, его вовсе не было? – Левашов посмотрел с подозрением: – А как ты узнал про кинжал?

Алексей отвел взгляд и уклончиво ответил:

– Провел некоторые следственные действия.

Левашов схватился за голову:

– Зачем я согласился взяться за это дело? Лучше бы в областную прокуратуру отдали, случилось ведь это в доме убитого, за городом. Так нет. Настояли! Важный человек! Уважаемый! Я имею в виду отца этого мальчика.

Адамова передернуло, но он сдержался. Все ясно! Просто хотели, чтобы Загородняя получила по полной, потому и настаивали, чтобы дело взял он – прокурор с репутацией безжалостного и принципиального обвинителя.

– Алексей, – Левашов поднял голову и посмотрел на прокурора, в глазах плескалась надежда, – а ты уверен, что репетиторша не виновна? А если в итоге окажется, что это все-таки она убила?

– Нет. Я уверен на все сто. Ее подставили. Вероятно, настоящий убийца знал, что в это время приходит репетитор, возможно, он также был в курсе давнего конфликта между учеником и учителем. Хотя допускаю, что это было лишь стечение обстоятельств.

– Ладно, – обреченно вздохнул тот. – Жду от тебя документы для опротестования приговора и проведения дополнительного расследования.

– Вот, уже все готово, Роман Федорович, – Адамов один за другим достал два листка и положил перед начальником. – Ходатайство на возврат уголовного дела на доследование и заявление об отмене судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам. Нужна только ваша подпись.

Левашов всмотрелся в один листок, то приближая его к глазам, то относя подальше, потом взял другой, пошевелил губами, затем пощипал себя за усы.

– Ох, Алексей Сергеевич, без ножа ты меня режешь, – нехотя подписывая документы, проворчал Левашов. – Вот почему ты такой?

– Ну, вообще-то, я впервые прошу возобновить расследование для того, чтобы оправдать обвиняемого.

– Господи, а что же я там скажу? – Левашов с тоской глянул на потолок.

– Скажите, что настоящий убийца разгуливает на свободе и представляет серьезную опасность для других подростков.

– Ну, ты еще поучи меня! – рассердился тот. – Иди, работай! И обо всем докладывать лично!

– Конечно, – не по уставу ответил Адамов и, вложив документы в папку, вышел.

Анна очнулась от ощущения, что ее куда-то волокут. Приоткрыв глаза, она все поняла. Сокамерница подтащила ее к кровати и, оставив лежать на полу, разорвала простынь и принялась привязывать перекинутую через прутья спинки скрученную в жгут ленту. Все сразу стало на свои места. Эта женщина пришла в камеру специально, чтобы разыграть ее самоубийство. Но зачем?!

Пока та возилась возле спинки кровати, Анна не растерялась и, мгновенно вскочив на ноги, бросилась к выходу.

– Помогите! Помогите, убивают! – хрипло, почти неслышно закричала она и изо всех сил замолотила кулаками в дверь.

Анна обернулась, ожидая нападения, но, к ее удивлению, тетка уселась на свою койку и изобразила удивление.

Наконец залязгали замки, в камеру вошел надзиратель и, похлопывая дубинкой по ладони, набылся:

– Что случилось? Что ты орешь?

– Она-она-она хотела меня задушить. Вот-вот-вот, видите скрученная простыня! – сбивчиво объясняла Анна, голос был сиплым от удушья, отчего слова вырывались отрывисто и неразборчиво.

– Ты что несешь? – вскинулась та. – Совсем с ума сошла? Я спала! Гражданин начальник, я проснулась, а она к кровати себя привязывает, я ей помочь хотела, а она разоралась, как ненормальная!

– Ты врешь! – просипела Анна.

– А ты чокнутая! Рыдала тут полночи, спать не давала! Гражданин начальник, говорю же, крыша у нее поехала.

– Так, заткнулись обе! Загородняя, за мной! – скомандовал надзиратель и распахнул дверь. – Руки за спину, лицом к стене.

Анна на дрожащих ногах вышла из камеры, но тут голова закружилась, и она, съехав по стене, рухнула на пол.

Еле дотерпев до утра, Адамов помчался в СИЗО.

– Добрый день. Прокурор Центрального района Адамов, – показал удостоверение Алексей. – Я вчера звонил Семенову по поводу допроса Загородней Анны Васильевны.

Охранник на КПП сверился с записью в журнале:

– Да, проходите. Только это... Загородняя ваша в больничке.

– Почему? – тут же насторожился Алексей.

– Руки на себя наложить хотела, сокамерница из петли вытащила.

– Так. И что с ней? Она может говорить?

Охранник кивнул:

– Нормально все с ней. Идите туда, там административное здание, там же медчасть. Тропинкин! – окликнул он напарника, дежурившего у шлагбаума. – Проводи прокурора.

– Анна Васильевна, вы можете разговаривать? – Адамов старался говорить вежливо, хотя в данный момент ему хотелось наорать на нее. Ну что за безвольное существо?! Чуть что не так, сразу в петлю!

Анна глянула на прокурора и отвернулась. Она сразу его узнала, едва он перешагнул порог палаты. Говорить совсем не хотелось, горло болело и саднило. И вообще, о чем с ним говорить? Зачем пришел? Он же не человек, терминатор! Она сидела на кровати и отвернувшись бездумно смотрела в окно сквозь решетку.

Адамов присел на стоящий у стены стул, хотел пододвинуть его, но не смог – стул был привинчен к полу.

– Анна Васильевна, я хочу разобраться в вашем деле. Давайте поговорим. – Прокурор потихоньку начал закипать, то ли из-за стула, то ли из-за неприступного вида репетиторши. Еще не хватало ее уговаривать! Как будто ему это надо! Ой, кривит душой! Надо. Оттого и злится. Но как ее разговорить?

Она шевельнулась, повернулась в пол оборота и шепотом спросила:

– Что, не получилось убить? Самолично пришли добить?

У него вытянулось лицо.

– Что значит «добить»? Вы и правда не в себе?! – гаркнул он не сдержавшись.

Анна хмыкнула и снова отвернулась.

Услышав громкий голос, в дверь тут же заглянула медсестра, но прокурор сделал грозное лицо и махнул ей рукой, чтоб исчезла. Та кивнула и исчезла.

Алексей встал и заходил по палате туда-сюда.

– Послушайте, у меня есть основания полагать, что вас подставили. И мне нужно задать вам несколько вопросов.

Анна даже не шелохнулась.

– Это ведь в ваших интересах! – Адамов подошел к окну и, закрыв его собой, посмотрел на женщину.

Та опустила глаза и уставилась в пол.

Он набрал воздуха в грудь и... медленно выдохнул. Сейчас ему как никогда нужна выдержка. Прокурор присмотрелся: от той надменной и уверенной в своей правоте женщины не осталось и следа. Боже мой! На кого она похожа? Бледная, синяки под глазами и синие пятна на шее. Что? Пятна? Он подошел поближе и, уперев руки в колени, посмотрел на ее шею.

Она зажмурилась и слегка подалась назад.

– Вы правда меня боитесь? – удивился он.

Она испуганно уставилась на него и едва заметно кивнула.

– Почему? – недоуменно спросил он.

Она открыла рот, но подумав секунду, снова закрыла и отвела взгляд.

– Так. Ну хватит! У вас появился шанс быть оправданной, а вы тут... Ваньку валяете!

– Ваньку?! – просипела Анна, на глаза навернулись слезы. – Меня вчера чуть не убили!

Адамов вдруг понял, почему она себя так ведет и почему боится его.

– Так эти пятна на шее от пальцев? Вы не сами? Вас душили?

Анна кивнула и расплакалась.

Он не умел утешать женщин, поэтому рявкнул:

– Прекратите немедленно! Иначе я сейчас уйду!

Анна почему-то испугалась и мгновенно притихла.

– Вы что, правда хотите помочь? – недоверчиво спросила она. – Вы же сами там, в суде...

– Появились новые факты. Я пытаюсь разобраться, а вы... характер показываете, – смягчил он концовку. – Ладно. Так. Сначала давайте-ка, рассказывайте, что вчера с вами произошло.

Анна сбивчиво, глотая слезы, рассказала о случившемся. Говорить было трудно, но она старалась, а в конце, с тоской посмотрев на прокурора, заключила:

– Мне не поверили. Ей поверили. Значит, они снова придут меня убивать?

Все это время Адамов угрюмо слушал, а сам соображал. Нужно срочно прислать кого-нибудь из следственного отдела, пусть займутся дознанием. Явно сокамерница подосланная, нужно срочно выяснить, кто ее нанял. И очевидно не обошлось без работников СИЗО. Пашкову надо поручить, пусть тут всех на уши поставит, это у него хорошо получается. Но вот что с Загородней делать?

Он посмотрел на Анну.

– Не волнуйтесь. Здесь вы в безопасности. Я поговорю с начальником СИЗО, чтобы у палаты поставили охрану. А завтра... Нет, пока у меня нет оснований для вашего освобождения, но я что-нибудь придумаю.

Он с сочувствием посмотрел на нее. Нет, не с сочувствием, с сожалением. Он может не успеть узнать у нее обстоятельства дела. И вообще, она нужна ему живой, по крайней мере пока. Опять же, чтобы дать показания в суде. Да, надо ее вытаскивать, она не протянет здесь и суток.

– Надо срочно что-то придумать, – пробормотал он, потирая лоб.

– Вы правда это сделаете? Вы меня вытащите отсюда? – прошептала она, в очередной раз проглотив слезы. Анна не понимала, почему этот злой прокурор вдруг решил помочь ей.

– Давайте не будем терять времени. Расскажите все в деталях. Что произошло в тот день, когда вы пришли на урок? – Адамов посмотрел на нее, отчего-то эта жалкая тетка раздражала его, но приходилось терпеть, Загородняя была ему нужна.

Анна попыталась что-то сказать, но закашлялась, голос пропал, она сипела, о чем-то просила его, потом зарыдала от отчаяния, и он не понял ни слова.

– Ладно. Пока отдыхайте, лечитесь, а я попробую что-то предпринять.

Он нехотя встал, толку от нее сейчас никакого. Но и здесь оставлять опасно. Как же вытащить ее отсюда? Что придумать? Он постоял у окна, подождал пока она успокоится и наконец повернулся.

– Анна Васильевна, у меня есть одна идея. Послушайте, что я вам скажу...

Глава 11

Алексей вышел из палаты и, переговорив с медсестрой, затем с начальником СИЗО направился к машине. Адреналин гулял по венам, подстегивая и заставляя ускорять шаг. Надо срочно ехать к Левашову! Загородней необходимо пройти медицинское освидетельствование и как можно скорее! Следы на шее явно не от простыни и даже не от веревки. Душили руками. Почему Семенов этого не увидел? Он наверняка не раз сталкивался с подобным. Причастен? Вероятно. А может, и нет. Но как не заметить следы удушения? Хотя вряд ли начальник СИЗО осматривал пострадавшую, а медсестричка молодая, неопытная, могла и не распознать.

Итак, значит, репетиторшу действительно подставили, а теперь решили избавиться, продолжал размышлять Адамов, усаживаясь в машину. Да как ловко! Нервы не выдержали, раскаялась и покончила с собой. И все шито-крыто. Просто, как все гениальное. И очевидно все это не без причины, есть что-то еще. Почему хотят убрать? Может она что-то такое знает? Стоп! Он вчера позвонил и сообщил, что придет побеседовать с подследственной, и в эту же ночь ее попытались убрать. Значит, испугались. Значит, репетиторша точно что-то знает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.